

МИХАИЛ
БЕЛОУСОВ

ИСКУССТВО
РАЗВЕДКИ

ОБ ЭТОМ НЕ СООБЩАЛОСЬ...

ЗАПИСКИ
АРМЕЙСКОГО
ЧЕКИСТА

*Честный рассказ о людях, которые оставались в тени,
но чей вклад в Победу невозможно переоценить*

Искусство разведки

Михаил Белоусов

Об этом не сообщалось...
Записки армейского чекиста

«Алисторус»

2026

УДК 355.40«1941/1945»
ББК 68.23-2

Белоусов М. А.

Об этом не сообщалось... Записки армейского чекиста /
М. А. Белоусов — «Алисторус», 2026 — (Искусство разведки)

ISBN 978-5-00269-454-9

Эта книга — не только воспоминания ветерана советской военной контрразведки, но и увлекательное документальное повествование о противостоянии сотрудников СМЕРШа с разведывательной и диверсионной агентурой врага на фронтах Великой Отечественной войны. В июне 1941 года Михаил Артемьевич Белоусов был старшим оперуполномоченным военной контрразведки... С февраля 1944 года и до конца войны возглавлял 3-й отдел УКР СМЕРШ 2-го Украинского фронта. Автор делится личными воспоминаниями о том как, в ожесточенной схватке с опытным и коварным врагом победу приносили не только сила оружия, но и нестигаемый дух, коллективная ответственность и вера в справедливость. Это честный рассказ о людях, которые оставались в тени, но чей вклад в Победу невозможно переоценить.

УДК 355.40«1941/1945»
ББК 68.23-2

ISBN 978-5-00269-454-9

© Белоусов М. А., 2026
© Алисторус, 2026

Содержание

Так они начинали	6
В первые дни	6
Всем миром	25
Лицом к лицу с абвером	36
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Михаил Белоусов
Об этом не сообщалось...
Записки армейского чекиста

© Белоусов М. А., правообладатели, 2026

© ООО «Издательство Родина», 2026

Так они начинали

В первые дни

Батальонный комиссар Сенько в который уже раз перечитывал докладную. Сомнений быть не могло: и ксендз Фыд, и учитель Буцько, прикрываясь своей духовной и просветительской деятельностью, активно занимаются шпионажем.

Оперативные работники отдела контрразведки механизированного корпуса обратили внимание на этих лиц ещё осенью 1939 г., когда соединения и части корпуса только что расквартировались в одной из новых областей Советской Украины. Местные патриоты установившейся здесь рабоче-крестьянской власти тогда сообщили нашим контрразведчикам, что Роман Буцько является украинским националистом. Свою принадлежность к ОУН¹ он не афиширует, но в прошлом был связан с её руководителями, бежавшими в сентябрьские дни за кордон.

Буцько был взят под наблюдение. И через некоторое время стали поступать на него любопытные данные. Учитель, который демонстративно избегал контактов с нашими командирами и красноармейцами и, как говорится, десятой дорогой обходил расположения воинских частей, в разговорах с вездесущими мальчишками-школьниками проявлял повышенный интерес ко всему, что касалось «красного войска», и к тем местам, к которым «паны солдаты» не подпускают даже детей.

Словом, у отдела контрразведки корпуса были основания для ареста Романа Буцько. Но начальник отдела Сенько решил пока повременить с этим, чтобы выявить более существенные связи шпиона.

С ксендзом Иозефом Фыдом дело обстояло сложнее. Тихий, услужливый, если дело касалось властей, и по-отечески добрый к прихожанам, Фыд, хотя и вызывал подозрения, но в руки, как говорится, не шел.

Данные о том, что снятой отец в 1939 г., находясь в гостях в Кракове, был завербован фашистской разведкой, пока проверить не удалось. В начале года был, правда, сигнал о том, что к ксендзу приезжал какой-то католик из-за границы, но взять его след опоздали. И Фыд снова вышел сухим из воды.

Был ещё момент, не учитывая который контрразведчики не могли. Роман Буцько вынужден был действовать среди местного населения, в подавляющем своем большинстве с восторгом встретившего воссоединение западных областей с родной Советской Украиной. И любые враждебные действия по отношению к Советской власти люди воспринимали как заговор против себя. Фыд же все сведения получал от некоторых прихожан-фанатиков и служителей костелов тех местечек и сел, где стояли части корпуса. Чекистам найти подход к таким людям оказалось нелегко.

Свои соображения батальонный комиссар Сенько изложил в докладной отделу контрразведки Киевского особого военного округа. Но сейчас, когда он перечитывал (в который уже раз!) дела на Буцько и Фыда, его не покидало чувство беспокойства. Всё ли учтено, оправдана ли в данных условиях его, Сенько, выжидательная позиция?

Кадровый чекист, Сенько не мог не ощущать назревающей угрозы. Он понимал, что столкновение с фашизмом неизбежно. Хотя пока молчат пушки, здесь, в недавно освобожденных пограничных районах, идет скрытая от людских глаз тайная война, и он на своём посту

¹ ОУН – организация украинских националистов (запрещенная в России террористическая организация).

должен свято выполнять долг коммуниста: защищать свою страну, свой народ и его армию от происков врагов.

С тяжелыми думами батальонный комиссар закрыл папки с документами и аккуратно уложил их в сейф. На башне бывшей ратуши часы пробили полночь. До начала войны оставалось около четырех часов.

* * *

А в это время за сотни километров отсюда, в Германии, происходили события, имеющие самое непосредственное отношение и к ксендзу Фыду, и к учителю Буцько. Там завязывался узел, разрубить который предстояло советским чекистам, в том числе и батальонному комиссару Сенько.

...По тихим улочкам Дрездена на большой скорости промчались две машины: фургон военного образца и легковой «опель». Камуфляжная окраска их воспринималась редкими прохожими как нечто само собой разумеющееся – шла война. Но каково было бы изумление прогуливавших дрезденских бюргеров, если бы им удалось заглянуть в зашторенные окна одной из автомашин. На заднем сиденье «опеля» дремал, откинувшись в угол кабины, советский капитан-танкист. А впереди оживленно болтали между собой на баварском диалекте шофер из гестапо и лейтенант Красной Армии.

Прикорнувший на заднем сиденье обер-лейтенант абвера Гейнц Лоссберг (а это был он в форме советского офицера) не спал, но ему так надоела хвастливая болтовня водителя, что он предпочел уйти таким образом от разговора. В принципе, Лоссберг ничего не имел против гестапо – эти парни неплохо поработали в фатерланде и в присоединенных к нему странах. Но сопровождать им его для работы во вражеском тылу – это уж увольте. Он прямо заявил об этом своему непосредственному начальнику несколько часов назад. Но майор Линц успокоил его, заявив, что все учтено, а конкретные задания группы зондерфюрера Вилли Шмундта получит перед самым вылетом.

Итак, война с Россией началась, размышлял обер-лейтенант. Ну что ж, этого давно следовало ждать. Он, Лоссберг, может только приветствовать очередное проявление мудрости и дальновидности фюрера. Наконец-то и он сможет показать себя в полной мере на практической работе, и перед ним раскрываются блестящие перспективы.

Сын мелкого торговца из Карлсруэ, он в 1935 г. поступил на русское отделение Мюнхенского университета, где всерьез занялся предметом. В перерывах между занятиями Гейнц регулярно участвовал и в нацистских сборищах, и в арестах коммунистов. Но, сняв коричневую форму, до рассвета, бывало, засиживался над учебниками. Он усердно грыз гранит науки, понимая подсознательно, что призывы фюрера покончить с «интеллигентской заразой» не более как лозунг, рассчитанный на толпу. И хочет того рейх или нет, ему не обойтись без настоящих специалистов своего дела.

Практическую пользу такой линии поведения Лоссберг ощутил довольно скоро. Когда с третьего курса многих студентов призвали на военную службу, он без труда получил теплое местечко в иностранном отделе абвера². И в то время как его однокашники муштровались в эсэсовских казармах под Мюнхеном, он в Берлине в уютных кабинетах управления адмирала Канариса изучал секретные досье по Советской России и совершенствовался в языке.

Настоящая работа началась в 1939 г. И хотя Польша не была его амплуа, но именно здесь Лоссберга ожидал первый успех. Исполнительный, грамотный, главное, преданный идеям фюрера, молодой сотрудник абвера обратил на себя внимание старших начальников.

² Абвер – орган военной разведки и контрразведки Германии в 1919–1944 гг.

В боевых группах абвера Лоссберг с успехом применил навыки, приобретенные ещё во время погромов немецких коммунистов и евреев, и заработал первый офицерский чин. А после создания в Кракове так называемого повстанческого штаба украинских националистов перед начинающим абверовцем открылись, как он считал, широкие просторы. Первая ступенька по заманчивой лестнице вверх, к высотам славы и могущества, – работа в учебных лагерях для украинцев. Эти диверсионные центры, направленные непосредственно на Советский Союз, были созданы абверштелле-Краков³ в ряде городов Польши и Чехословакии. Нет, он, Лоссберг, ни на секунду не преувеличивал своей роли в большой игре. И такое положение его устраивало. Тем более что в Польше начальник отдела абвер-2 полковник Лахузен заметил Лоссберга и обещал проследить за его работой, а следовательно, и продвижением.

Дела Лоссбергу приходилось иметь в основном с отбросами общества – бежавшими за границу уголовниками и отпетыми националистами, но молодого лейтенанта это не смущало. В учебных лагерях для украинских националистов абвер и другие секретные службы готовили диверсантов-головорезов. Здесь закладывался костяк будущих частей из наемных убийц – батальона «Нахтигель» и полка «Бранденбург».

...Итак, двадцатитрехлетний обер-лейтенант абвера Гейнц Лоссберг имел все основания быть довольным жизнью, собой и своим будущим. Россия – трамплин на пути третьего рейха к мировому господству, считал он. И тут главное суметь распорядиться своей судьбой...

Обер-лейтенант сладко потянулся и открыл глаза. Оставив позади Дрезден, мчалась на предельной скорости машина. Вилли Шмундт вздохнул, расписывая шоферу богатства России и красоту «руссиш фрейлейн» – он уже бывал в Советском Союзе в качестве переводчика на строительстве тракторного завода на Волге.

«Для таких скотов, – подумал Лоссберг, – предел мечтаний – даровой шнапс и смазливые женщины. Впрочем, так и должно быть: избранным – всё, черни – объедки с господского стола. Этим типам хорошо придется потрудиться, прокладывая для элиты нации путь к богатству и могуществу».

Гейнц уселся поудобнее и с брезгливой благосклонностью продолжал слушать болтовню попутчиков.

* * *

Батальонный комиссар Сенько не спеша запер сейф и, устало козырнув часовому, вышел в теплую июньскую ночь. И хотя усталость разлилась по всему телу и залегла тяжелым свинцовым пластом в затылке, домой идти не хотелось. Жена с дочками гостила у отца в Николаеве. И ему вдруг до боли остро захотелось хоть на сутки, хоть на час оказаться среди родных, на тихой заводской окраине, вдохнуть полной грудью степной пьянящий воздух, настоящий на полях и зреющих хлебах, но уже вобравший в себя запах металла и угля, краски и дерева, запах его первого жизненного университета – судостроительного завода. Сергей Михайлович видел себя в саду, под густым виноградным шатром. И рядом – отец. Сидят они, попивают терпкое домашнее вино и мирно беседуют обо всём. И нет этой тревожной ночи, нет щемящего чувства осознанного уже беспокойства и огромной ответственности, которая возложена на него, коммуниста ленинского призыва, армейского контрразведчика, за судьбу его двух дочурок и детей миллионов простых советских людей, за судьбу запорожского сталевара и сахалинского рыбака, за судьбу всей страны и за судьбу вот этого усатого дедка-галичанина, который, обхватив для храбрости берданку, мирно сидит на крыльце магазина. Поглощенный мыслями, Сенько не заметил, как подошел к дому. Уже достав ключи, Сергей Михайлович вдруг круто

³ Абверштелле – Краков – периферийный отдел абвера.

развернулся и быстро зашагал к небольшому особняку в конце улицы. Окно на втором этаже ещё светилось – бригадный комиссар не спал.

...Начальник политотдела корпуса Иван Федорович Скобель любил эти тихие часы – на грани суматошного дня и глубокой ночи. Уложив домочадцев, закрывался он наглухо у себя в рабочей комнате и устраивал, как он в шутку называл свои ночные бдения, разбор текущих событий дня. Обстановка в корпусе сложная. Близость к границе требовала предельной собранности и постоянной боевой готовности. И поддерживать её приходилось в условиях переучивания, а зачастую и освоения заново всем личным составом новой техники, которая, хотя и с перебоями, но в корпус поступала. Смотри правде в глаза, Скобель ясно отдавал себе отчет, что в полном смысле слова механизированным корпусом их соединению только ещё предстоит стать. Непонимание многими командирами тактики современной войны, «кавалерийские замашки», как любил говорить комкор – сам в недалеком прошлом кавалерист, не могли не беспокоить бригадного комиссара. В приказном порядке такие вопросы не решались. Необходима была кропотливая повседневная политико-воспитательная работа со всеми – от красноармейца-первогодка до командира с опытом гражданской войны, а времени для этого было крайне мало. Поэтому опасения, высказанные зашедшим к нему начальником отдела контрразведки о Фыде и Буцько, явились как бы продолжением его собственных тревожных раздумий.

...Часовой при штабе корпуса не мог скрыть удивления, когда через некоторое время в штабе снова появился Сенько и вместе с ним начальник политотдела. А ещё через двадцать – тридцать минут, сюда были вызваны и другие оперработники отдела Сенько. Ставя перед ними задачу, Сенько ловил недоумевающие взгляды: к чему такая спешка? Обоих этих субъектов контрразведчики знали, и взять их можно было в другое время. Ведь батальонный комиссар прекрасно знает, что Роман Буцько живет за высоченным забором, за семью запорами, а на ночь, спускает с цепи злущего лохматого кобеля. Пока этого пса «уговоришь», он полгорода разбудит.

Но приказ есть приказ. И в два часа ночи, когда на востоке ещё не прорезалась первая предрассветная полоска утреннего неба, к домам учителя Буцько и ксендза Фыда подошли чекисты.

* * *

На аэродроме Гроссенхайн творилось что-то невообразимое. Сквозь надрывный вой авиационных моторов прорывались дикие, иступленные выкрики самолётной прислуги. Лоссберг увидел, как из только что подрулившего к стоянке «юнкерса» вывалились летчики и тут же попали в объятия обезумевших техников, а ещё через секунду они взлетели вверх, подброшенные десятками рук. Даже болтливый Вилли прикусил язык и осоловело уставился в окно. Однако их машины продолжали движение в самый дальний конец аэродрома, где стояло несколько самолетов, предназначавшихся для них. Сердце обер-лейтенанта сжималось от радостного предчувствия, и едва только их автомобили остановились, он бросился к охране с расспросами. Но была подана команда «Ахтунг!», и все смолкли. Вытянулся в струнку и Лоссберг. К их стоянке шел начальник отдела абвер-2 полковник Лахузен.

– Господа! Офицеры и солдаты! – Голос его звенел на высшей ноте. – Вы являетесь свидетелями и участниками выдающегося исторического события – час назад фюрер начал войну против большевистской России! Летчики, которых вы сейчас видели, первые герои рейха, они уже показали большевикам силу германского духа и оружия, которое им дал великий фюрер!

– Хайль Гитлер! – завопил ошеломленный Лоссберг, ощущая в эту секунду трепетное желание отдать, если потребуется, и жизнь за «величайшего из великих», за вождя нации Адольфа Гитлера.

Обер-лейтенант внимательно слушал полковника Лахузена... Вилли Шмундту и его головорезам надлежало высадиться южнее местечка Яворов Львовской области. Их задача – взрыв железнодорожных мостов на участке Львов – Перемышль, вывод из строя линий связи и расправа с мирным населением. Последнее, судя по довольным лицам диверсантов, устраивало их больше всего. Взвод Вилли составляли эмигранты из Прибалтики, польские уголовники и шесть украинских националистов из организации Степана Бандеры⁴. Все они жаждали поскорее оказаться на Востоке, отомстить Советам, побольше награть и получить отличия.

Работу Шмундта и его группы Лоссберг считал не совсем чистой. И дело тут было не в самом задании – пользоваться пистолетом и финкой обер-лейтенант умел не хуже любого из них. А дело – в сложности выполнения группового задания. Даже у команды, состоящей из арийцев-диверсантов, и то мало шансов вырваться из тыла противника целой и невредимой. В этом смысле свою работу Гейнц считал и менее опасной, и более полезной. Он хорошо усвоил из рассказов опытных разведчиков абвера, что задания в тылу противника удобнее всего выполнять в одиночку. Никто тебе не нашептывает об опасности и никто тебя из коллег не предаст. Находчивый разведчик, если он один, всегда может рассчитывать даже на помощь населения, особенно в сельской местности. Достаточно оказать крестьянке какую-то маленькую услугу, и у неё легко найдешь сочувствие, приют, а то и укрытие.

...Пролетая над границей, где всё было окутано дымом и пылью от взрывов снарядов и бомб, он почувствовал, что душа его переполнилась радостью. Его распирало высокомерие и гордость за свою принадлежность к третьему рейху. Правда, когда уже оставались считанные минуты до выброски, у обер-лейтенанта засосало под ложечкой. Только тут подумал он, что его могут убить после того, как он отделится от самолета, или задержать уже на земле. Но такая мысль появилась лишь на какие-то доли минуты. Он посмотрел на отлично сидевшую на нем новенькую форму капитана Красной Армии, нащупал в кармане документы на имя начальника штаба танкового батальона Елистратова и сразу успокоился – они обеспечат ему выполнение задания. Лоссберг считал, что после приземления первая же попавшаяся ему автомашина или подвода доставит его, как «командира Красной Армии, возвращающегося из отпуска», туда, куда он скажет. Ну а если возница или шофер окажется неуступчивым, он заставит его это сделать силой оружия. Началась война, и долг каждого советского гражданина – помочь «отпускнику-командиру» быстрее оказаться в своей части!

У абверовца всё складывалось пока как нельзя лучше. Приземлился он благополучно. Выйдя затем на дорогу Стрый – Дрогобыч, остановил подводу, запряженную парой добрых коней, и попросил возницу подвезти его.

В городе, в который они приехали, грохотали разрывы, в некоторых местах возникли пожары. Женские крики, детский плач неслись отовсюду. Появились обезумевшие от горя люди, ещё не понимавшие, что же произошло. Они тогда ещё не знали, что немецкие летчики – истребители и штурмовики – проходили специальную подготовку – «охота за группами и отдельными объектами на открытом пространстве». А в Польше сдали экзамен по этой палаческой задаче.

Войск в городе почти не было видно – только изредка промчит полуторка с бойцами. Зенитчики вели по самолетам редкий и, как отметил Лоссберг, неприцельный огонь.

На одной из центральных улиц вой пикировщика заставил обер-лейтенанта ничком упасть на мостовую. Взрыв оглушил его, а несколько крупных обломков камня упали совсем рядом. И тут леденящий ужас пригвоздил абверовца к земле. Не было сил даже отползти куда-нибудь в укрытие. С трудом переждав налет, на подгибающихся от страха ногах, с думой о том, что может погибнуть от своих бомб, он пошел по нужному ему адресу. Потрясение от пережитого было так велико, что у Лоссберга не хватило сил оказать сопротивление, когда в доме

⁴ Степан Бандера – один из руководителей буржуазных украинских националистов.

Фыда вместо знакомого ему по фотографиям святого отца его встретил запыленный, с окровавленной повязкой на голове сотрудник отдела контрразведки корпуса политрук Николаев.

* * *

Ксендз Фыд открыл дверь сразу после первого звонка, как будто всю ночь только и ждал визита контрразведчиков. Когда ему предъявили ордер на обыск, он не возражал и только отошел к распятию и начал вполголоса молиться. Обыск сначала не дал положительных результатов, и во взглядах, которые ксендз бросал на чекистов, проскальзывало злорадство. Но внимание Сенько привлек молитвенник, который Фыд не выпускал из рук. На предложение показать эту книгу пастор разразился проклятиями и, призывая громы небесные покарать чужаков и вероотступников, рисовал им муки в геенне огненной. А когда и это не подействовало, упал на колени и молил во имя всего святого не осквернять священного писания. Но и эти его утешения и моления не были услышаны чекистами. Тогда он швырнул под ноги Сенько молитвенник и, поднявшись с пола, аккуратно почистил колени, бормоча про себя ругательства.

Святая книга, как и подозревал Сенько, оказалась со шпионскими записями. На её полях бисерным почерком Фыд заносил данные, характеризующие высший и старший командный состав корпуса, с указанием фамилий, имен, домашних адресов, деловых и политических качеств, наклонностей. В молитвеннике значились также наименования всех населенных пунктов и улиц, где располагались штабы соединений и частей корпуса, казармы, места укрытия боевой техники, складов с боеприпасами и горючим, даты поступления новых танков. Сергей Михайлович обратил внимание, что против более ранних сведений карандашом сделаны аккуратные пометки, а уже рядом с сообщением о прибытии в декабре прошлого года тридцати танков Т-34 и дальше – пометок нет. Значит, им сообщили правильно: с осени прошлого года Фыд связи с заграницей не имел и со дня на день мог ждать оттуда курьера.

Старый святоша строго вел бухгалтерию, подсчитывая на страницах жития святых и великомучеников свои подлые сребреники. Обыск продолжался. Ксендз как будто заостенел в кресле, устремив взгляд в одну точку. И вдруг он встрепнулся. Его обостренный слух уловил то, на что поначалу не обратили внимания занятые делом чекисты. Вначале мелко, на очень высокой ноте задребезжали стекла, потом, всё больше ширясь и усиливаясь, комнату заполнил непонятный гул. Ещё минута – и ночную тишину на десятки километров окрест нарушили первые разрывы авиабомб.

...Ни Сенько, ни посыльные, поднимающие в городе военных по тревоге, ни жены, уже ставшие вдовами, ни дети, осиротевшие в течение этих страшных мгновений, ещё не знали, что наша страна вступила этой предрассветной порой в полосу самых тяжелых в своей истории испытаний.

* * *

При задержании обер-лейтенант Лоссберг решительно отказался назвать себя и заявил, что никаких показаний он давать не будет, поскольку является офицером вермахта великой Германии и до последнего вздоха будет верен присяге, данной фюреру. Хозяина конспиративной квартиры он не знает, в дом к ксендзу постучал случайно, чтобы получить хотя бы какое-то укрытие от бомбежки, а рация и другое шпионское снаряжение, изъятые у него, принадлежат лично ему. Он даже издевательски, на чистом русском языке, спросил:

– Может быть, советские органы разведки, направляя своих агентов в распоряжение противника, снабжают их клетками с почтовыми голубями?

Чекисты Николаев и Сенько с трудом сдерживались, глядя на самодовольную физиономию гитлеровца. Во время первой бомбежки Сенько послал из квартиры ксендза в штаб кор-

пуса оперработника Николаева с задачей узнать, какие данные получены в штабе о случившемся. Возвращаясь оттуда, политрук по пути забежал домой и обнаружил, что половина его дома разрушена в результате этой бомбежки, погиб вместе с семьей его сосед и друг, командир батальона связи капитан Александр Николаевич Покатило. Вынося их тела из-под обломков здания, Николаев чудом увернулся от горящей балки. Но полученную большую ссадину на голове пришлось наскоро перевязать, она кровоточила.

Столько ненависти и боли было теперь в глазах этого постаревшего сразу человека, что гитлеровцу, находящемуся уже в отделе контрразведки, стало не по себе. И неизвестно, чем бы закончился с ним разговор, если бы не вмешался прибывший от комкора Сенько. Отправив задержанного в камеру, батальонный комиссар устало опустился на стул и обхватил голову руками. Казалось, бессонная ночь и всё пережитое за эти несколько часов лишили сил этого мужественного человека. Николаев подошел к нему и тронул за плечо:

– Что, плохо, Сергей Михайлович?

– Ничего, Алексей, переживем...

– Как на границе?

– На границе бой, связи со штабом армии нет. Через два-три часа выступаем.

– Значит, война?

– Война, Николаев. И такая война, какой мы, кажется, с тобой не видали. Но мы их будем бить. Будем. Тебе ясно, товарищ политрук?

– Ясно. Сергей Михайлович...

– Поскольку задержанных нам придется брать с собой, давайте оформим их допросы здесь. Ты – Буцька, следователь Ковальчук – Фыда, а мне приведите этого немца. Предупредите задержанных, чтобы отвечали по существу. Времени у нас в обрез. Ясно?

* * *

Буцько и Фыд, видимо, на что-то надеялись, потому что показания давали обстоятельные. Бывший учитель имел даже наглость сделать замечание Николаеву, который делал торопливые записи, что, мол, пан офицер не очень подробно записывает его, Буцька, признания, а они могут оказаться очень нужными для советского командования. Фыд отвечал тихо, заикался, путал слова, но говорил, судя по всему, правду.

Оба они начали работать на германскую разведку с первых дней вступления Красной Армии в западные области Украины. Буцько – по приказанию руководства организации украинских националистов, в которой он состоял с юношеских лет, а ксендз – после знакомства с майором абвера Линцем. С ним он встретился на рождественских праздниках в 1939 г. в Кракове, куда думал перебраться навсегда в связи с приходом в его город Советов. Линц убедил святого отца не покидать насиженных мест: большевикам жить осталось недолго и в новом, свободном мире и деньги и слава будут не у тех, кто бежал от ужасов большевизма, а у тех, кто активно боролся за «новый порядок» в Европе. Взвесив все «за» и «против», Фыд возвратился в свой город. За собранными данными к нему и Буцько дважды в году – осенью и весной – гитлеровская разведка присылала своего курьера. Очередное донесение было готово к середине мая, но связник оттуда почему-то пока не прибывал.

Записывая показания Лоссберга, Сенько выделил для себя два момента. Задержанный все время упирал на то, что он является сотрудником немецкой разведывательной службы – абвера. Об этой службе Сенько слышал, но ещё не знал, какое она занимает место в системе разведывательных и контрразведывательных органов Германии, ведущих подрывную деятельность против СССР и его Красной Армии. Поэтому против слова «абвер» он вывел жирный вопросительный знак.

Обер-лейтенант утверждал, что вместе с ним в самолете находилась группа диверсантов, переодетых в форму военнослужащих Красной Армии. Все они из полка специального назначения «Бранденбург». Их задача – организация диверсий в районе, до которого отсюда лету 20–25 минут. А это добрых 80 километров. И это лишь одна из многих групп, подготовленных для таких целей абвером (опять абвер!).

«Неужели, – размышлял Сенько, – немцы рассчитывают в ближайшие дни проникнуть основными своими силами на такую глубину советской территории? Или же это смертники, призванные посеять панику в наших тылах? Нет, запугивает фашист». И батальонный комиссар строго посмотрел на задержанного.

Не знал Сергей Михайлович Сенько, что в эти часы уже несколько сот агентов, сброшенных с вражеских самолетов в наш тыл, взрывали мосты и склады, нападали на военные транспорты и убивали мирных жителей.

А Лоссберг по-своему истолковал взгляд чекиста. И не жалел слов, чтобы убедить его в своей правдивости. Отнюдь не раскаяние толкнуло его на такой путь. Пережив ещё одну бомбежку в камере, напоминавшей обыкновенный кирпичный амбар, воинственный обер-лейтенант понял, что третьего налета он не выдержит. Ему казалось, что каждая бомба летит именно на черепичную крышу его амбара. Поэтому на допросе он решил рассказать всё, чтобы «мелкие сошки» из корпусной контрразведки немедленно отправили его в глубокий тыл. Его показаниями – в чём он был уверен – должны заинтересоваться в верхах.

Приблизительно так и понял его батальонный комиссар. Но сделал свой вывод: врет гитлеровец, цену себе набить хочет. Да и как можно было поверить в показания фашиста, который утверждал, что в его непосредственную задачу входила вербовка агентуры из числа местных жителей, подобранных для этого Фыдом и Буцько, и засылка её с отступающими советскими войсками вплоть до Киева. Такое не укладывалось в голове у Сенько. Поэтому к показаниям Лоссберга о разведывательно-диверсионной деятельности абвера Сенько и отнесся с недоверием.

* * *

Поздно вечером, уже на марше, батальонного комиссара разыскал оперуполномоченный отдела контрразведки соседней стрелковой дивизии политрук Прохоров. Он прибыл в отдел корпуса с просьбой своего начальника, старшего политрука Герасимова, передать от них в Киев в отдел контрразведки фронта⁵ сообщение (из дивизии связи со штабами армии и фронта уже не было) о ликвидации взводом бойцов их артиллерийского полка группы фашистских диверсантов. В наскоро написанном карандашом сообщении лично Герасимовым говорилось, что в момент начала войны артиллерийский полк находился на стрельбах, в 100 километрах от постоянного места расквартирования. Утром командование получило приказ о немедленном возвращении в дивизию. Нужно было пройти своим ходом до железнодорожной станции Судовая Вишня и погрузиться здесь на платформы. Маршрут полка пролегал через Перемышль на Нижанковичи.

К полудню погрузка артиллерии была в разгаре, и в это время к командиру батареи капитану Еремееву подбежала запыхавшаяся женщина и спросила, в каком направлении военные собираются ехать. Вопрос показался Еремееву подозрительным, и он сразу же проводил женщину к оперуполномоченному, политруку Константинову. Выяснилось, что вчера вечером у неё пропала корова. Проискала её всю ночь и не нашла. Минут двадцать назад бродила по камышам в пойме речушки Вишепка и увидела, как группа красноармейцев взобралась на железнодорожную насыпь у моста и стала раскручивать рельсы. О начале войны женщина

⁵ Как только началась война, Киевский особый военный округ был реорганизован в Юго-Западный фронт.

знала, и действия красноармейцев ей показались подозрительными. Постояв несколько минут в камышах, понаблюдала за ними и затем незамеченной отошла от моста и прибежала на станцию, чтобы заявить об этом начальнику. Но здесь оказались военные, и она решила сказать об этом им.

Женщина была представлена командиру полка. По его распоряжению в подчинение оперработника срочно было выделено до взвода бойцов-артиллеристов, и Константинов, оседлав с ними лошадей, направился к мосту. От станции это не более двух километров. При приближении к мосту, метров за 500–600 от него, артиллеристы были обстреляны из автоматов. Сомнений не было – на мосту орудуют враги. Наши бойцы залегли, и началась перестрелка. Константинов понимал, что с карабинами против автоматов многого не сделаешь. Поэтому он послал к командиру полка сержанта Горева с просьбой усилить группу ручными пулеметами, а шестерых верховых пустил наперерез бандитам, которые, отстреливаясь, начинали отходить с моста в западном направлении, прикрываясь железнодорожной насыпью. Заметив наш маневр, диверсанты усилили огонь. В группе Константинова появились убитые. Несли потери и диверсанты, точки их автоматного огня редели. Вскоре пришла подмога – два ручных пулемета, а верховые сумели зайти в тыл фашистам. Разгорелся бой. Он продолжался около часа. Гитлеровцы сопротивлялись остервенело, и к концу боя в живых остался лишь один. С нашей стороны также имелись потери: четверо убитых и пять раненых; в числе раненых был и политрук Константинов, но он остался и строю.

Все диверсанты были в нашей форме, но лишь один с удостоверением личности на имя лейтенанта Фролова. Остальные никаких документов при себе не имели. Диверсантам удалось разобрать путь и два звена рельсов сбросить под мост. Для восстановления пути здесь теперь требовалось времени не менее двух часов. К тому же неясно было, каково состояние дороги на остальном участке – от станции Судовая Вишня до Мостиска – Перемышль и далее. Полк разгрузился и двинулся вперед своим ходом. Вечером он соединился со своими стрелковыми полками, уже основательно поредевшими за день боя и отходившими от границы на восток.

Захваченный у моста диверсант был доставлен в отдел контрразведки дивизии. Его допрашивали начальник отдела старший политрук Герасимов и начальник политотдела дивизии старший батальонный комиссар Колотушкин. Фашист наотрез отказался давать показания о немецких войсках и местах выброски других групп диверсантов. Он был молод, здоров, неплохо говорил по-русски, но своей фамилии не назвал. Лишь заявил, что в Германию выехал с родителями в 1940 г. из Прибалтики, где в районе Мемеля (ныне Клайпеда) они имели 180 гектаров земли. Как немец, он восторгался фюрером, нагло утверждая, что «он покончит с Красной Армией в самые ближайшие дни». И если им (его группе) не удалось полностью выполнить задания фюрера, то это сделают другие, такие же, как они. Их абвер-2 подготовил много. Они уже находятся в тылу советских войск. Германия всё равно победит Россию. И его отец возвратится в своё имение, и русские у него будут рабами.

Задержанный сказал также, что старшим их группы был Вилли Шмундт. Он был одет в форму советского лейтенанта, и с ними в самолете летел ещё один немецкий офицер, одетый в форму капитана Красной Армии, но куда он делся при их высадке – он якобы не знает. Диверсант, видимо, надеялся, что Лоссберга мы будем искать в районе станции Судовая Вишня.

О разгроме этой группы диверсантов и о результатах проведенной операции – арестах Буцько и Фыда, – в ходе которой был захвачен и кадровый гитлеровский разведчик, назвавшийся сотрудником абвера обер-лейтенантом Лоссбергом, Сенько ночью кратко по радио донес в отдел контрразведки Юго-Западного фронта.

Но, к большому сожалению, данными о планах одного из периферийных органов абвера против войск фронта, которые можно было получить от Лоссберга, нам, фронтовым контрразведчикам, воспользоваться тогда не удалось. Указаний о доставке Лоссберга в отдел фронта Сенько уже не получил. Связь с корпусом была нарушена. Его части оказались в окружении

превосходящих сил противника, и им с боями пришлось выходить из окружения. В этих условиях многим командирам, политработникам и чекистам корпуса пришлось воевать как рядовым бойцам. Трое арестованных (в том числе Лоссберг), находившиеся при Сенько в отряде, которым командовал бригадный комиссар Скобель, стали обузой. Неоднократно возникала опасность захвата их своими хозяевами. Пришлось срочно закончить следствие и шпионов предать суду. Наказание они получили по всей строгости законов военного времени.

* * *

Отдел контрразведки фронта в первый день войны получил несколько сигналов о выброске с воздуха в наши тылы немецких парашютистов. Надо было принимать срочные меры к организации специальных отрядов по ликвидации забрасываемых к нам диверсантов. С этой целью в подчиненные отделы соединений были направлены наиболее опытные оперативные работники. Батальонный комиссар Котовенко и политрук Горюшко получили приказание выехать в район станции Шепетовка. Сюда начинали прибывать из Забайкалья войска 16-й армии, и их контрразведчики очень нуждались в помощи местных товарищей.

На старенькой эмке, полученной только вчера «из народного хозяйства», Котовенко и Горюшко часов в шесть утра 23 июня уже находились на подъезде к Шепетовке. Их мысли и разговоры были крайне тревожными. На правом фланге фронта немецкие танковые полчища развивали наступление в направлении Луцк, Броды. Некоторые наши соединения попали в окружение. И говоря сейчас об этом горе, они слышали гул моторов. Шофер сбавил ход, но машину не остановил. Все трое приоткрыли дверцы и стали смотреть вверх. Их взору предстала необычайная картина: два транспортных фашистских самолета примерно с высоты тысячи метров стали сбрасывать на поляну у небольшого лесочка парашютистов. Их было много – несколько десятков. А наших товарищей – только трое, и вооружены они лишь пистолетами ТТ.

До опушки леса, которую пересекала дорога, ведущая в Шепетовку, оставалось метров четырехста, а до самой станции – километров семь. Решение приняли мгновенно. Котовенко прорвется на машине в Шепетовку за подкреплением, а Горюшко останется на опушке для наблюдения за действиями десанта.

Оставаясь в лесу, Горюшко знал, чем он рискует. Этой ночью мехкорпус, дислоцировавшийся в районе Шепетовки, убыл под Броды, а места расположения прибывающих частей 16-й армии им ещё неизвестны. Но Горюшко повезло. Подмога ему подоспела вовремя. Как только Котовенко въехал в Шепетовку, он увидел красноармейца-пограничника. Остановив его, спросил, есть ли в городе какие-либо воинские подразделения. Пограничник этого не знал. Разговорились, и выяснилось, что он и ещё несколько его товарищей из 90-го погранотряда, оставшихся в живых, ночью были выведены из боя и прибыли в Шепетовку.

Котовенко посадил пограничника в машину и немедленно направился с ним к дому, где расположились его боевые товарищи. Здесь он встретился со старшим лейтенантом Коровиным и рассказал ему о высадке гитлеровского десанта. Оказалось, что Коровин с тридцатью шестью красноармейцами и двумя сержантами на двух крытых полуторках прибыл в Шепетовку часа три назад и люди, находившиеся более суток в боях, сейчас отдыхали. Котовенко и Коровин подняли красноармейцев и, усадив на машины, направились к месту нахождения Горюшко. Всё это заняло не более часа.

Оперуполномоченного Горюшко они нашли в условном месте. Он доложил обстановку, и только тут Котовенко обратил внимание, что за плечами у Горюшко висит немецкий автомат. Оказалось, что, когда он остался в лесу один, невдалеке от него приземлился фашистский диверсант и начал гасить стропы парашюта. В этот момент Горюшко прикончил его без

выстрела, забрал автомат и боеприпасы. И если бы теперь Горюшко пришлось встретиться с высадившимся десантом в одиночку, он бы дешево свою жизнь не отдал.⁶

Оказалось, что десант приземлился некучно, поэтому сбор диверсантов ещё не закончился. Собираются они на восточной опушке леса южнее села Плесна, недалеко от развилки железных дорог, идущих на Старокопачин и Тернополь. К такому заключению чекисты пришли потому, что оттуда были пущены в воздух две ракеты и парашютисты, приземлившись, двигались в том направлении.

Было принято решение: разделить на две группы, скрытно окружить это место и, уточнив затем, что диверсанты находятся там, нанести по ним ошеломляющий удар. Сигналом должен послужить выстрел Котовенко. Пограничники были вооружены четырьмя ручными пулеметами, несколькими автоматами, винтовками и гранатами. Их ненависть к фашистам была неизмеримой. Они уже ощутили на себе всю тяжесть их разбойничьего нападения и потеряли в бою многих своих товарищей.

Разработанный чекистами план операции блестяще удался. На подготовку к бою ушло минут тридцать, а продолжался он не более десяти минут. Нападение было столь неожиданным, что из шестидесяти диверсантов, входивших в команду, в живых осталось двое. Наши потери – один раненый.

Пленные оказались разговорчивыми. Это были сыновья бакалейщика из Касселя и учителя-нациста из-под Мюнхена. Оба – воспитанники молодежной нацистской организации «Гитлерюгенд». Удар пограничников пришелся по их команде в тот момент, когда зондерфюрер Лямке разделил команду на четыре группы и каждой из них ставил свою задачу. Задание команда получила ещё в Германии за час до вылета, а в лесу оно лишь уточнялось на местности.

Каждая из четырех групп должна была оседлать одну из железнодорожных веток, ведущих к Шепетовке, и по сигналу зондерфюрера взорвать полотно дороги на всех четырех магистралах, пересекающих Шепетовку. Немцы считали, что после этого советское командование долго не сможет пользоваться важнейшими коммуникациями, питавшими фронт. Делалась ставка и на то, что такая крупная диверсия вызовет одновременно и панику среди местного населения.

После этого зондеркоманда должна была сама выбирать себе объекты для диверсий: склады с горючим и боеприпасами, военные автоколонны, мосты, линии связи.

Захваченные парашютисты показали, что их команда была укомплектована выпускниками двух учебных центров – в Тегеле под Берлином и в Химзе близ Бранденбурга. Один специализировался на подготовке диверсантов, а другой – диверсантов и террористов. Занятия продолжались шесть месяцев, и выпускники предназначались для действий на территории СССР, и прежде всего на Украине, в Белоруссии и Прибалтике.

Пленные утверждали, что их учебные заведения находятся в ведении абвера. Это был уже не первый (с начала войны) сигнал о немецком разведоргане – абвере. Но, к сожалению, в те дни осиные гнезда, готовящие разведчиков и диверсантов для третьего рейха, для нас были пока недостижимы.

Размах диверсионной деятельности гитлеровцев в советском тылу требовал немедленных и решительных ответных мер. И уже 24 июня, на третий день войны. Совет Народных Комиссаров СССР принимает специальное постановление «О мероприятиях по борьбе с парашютными десантами и диверсантами противника в прифронтовой полосе». Территориальные органы НКВД обязаны были создавать на местах истребительные батальоны для уничтожения диверсантов.

⁶ Оперуполномоченный Г. Г. Горюшко до конца своей жизни не расставался с этим трофейным автоматом, участвуя неоднократно в боях с фашистами. Погиб Горюшко 20 сентября 1941 г. у хутора Дрюковщина, Сенчанского района, Полтавской области, во время отражения фашистских атак на группу бойцов и офицеров, находившихся здесь с командующим Юго-Западным фронтом М. П. Кирпоносом.

Мобилизация чекистов и населения на борьбу с гитлеровскими парашютистами быстро дала результаты. Тысячи фашистских молодчиков нашли на нашей земле бесславный конец. В первых числах июля немецкие разведорганы были вынуждены прекратить массовую выброску своих агентов-диверсантов в тылы наших войск. Так была выиграна первая схватка с абвером.

Однако нашему народу необходимо было повышать бдительность, а сотрудникам контрразведывательных органов – совершенствовать методы своей работы: враг брал на вооружение новые формы подрывной деятельности, используя благоприятную для него обстановку на фронтах. И уже через неделю после описываемых события контрразведчики Юго-Западного фронта получили первую весточку от шефа незадачливого обер-лейтенанта Лоссберга – майора абвера Линца.

* * *

Майор Линц со своим аппаратом следовал за первым эшелоном наступающих дивизий. Верховному главнокомандованию рейха и командованию группы армий «Юг» нужны были самые свежие, как говорится из первых рук, данные о Советской стране и её Вооруженных Силах. Нужны были документы, карты, сведения о степени готовности страны к отпору завоевателям.

Большое внимание руководство абвера уделяло изъятию и сортировке личных документов советских людей. Несмотря на то что адмирал Канарис был в числе первых, кто внушал фюреру успех блицкрига, сам он уже тогда, в июне 1941 г., был готов и готовил все службы своей разведки к возможной затяжной войне. Адмирал был хорошо осведомлен о состоянии Советских Вооруженных Сил и потенциале страны, но политическая ситуация складывалась так, что Гитлеру нужна была война. На неё работала вся поверженная Европа, на неё настойчиво ориентировали нацистскую верхушку истинные правители Германии – промышленные магнаты, для которых людские, сырьевые и продовольственные ресурсы России, Украины и Белоруссии были процентами за вклады в фонд фашистской партии.

Канарис знал всё это и поэтому при составлении плана «Барбаросса» выдавал желаемое за реальность. Горячо поддерживая доктрину шестинедельной войны, он в то же время готовил и запасные варианты.

Вторжение на советскую территорию руководители рейха рассматривали как сигнал к активизации антисоветского подполья. Канарис же не очень надеялся на добровольных «мстителей». В первый же час войны вместе с бомбами на советскую землю по его приказу посыпались головорезы из полка «Бранденбург», а специальные, строго засекреченные подразделения абвера получили инструкцию тщательно «просеивать» контингенты пленных, выявлять среди них убежденных врагов Советской власти, обеспечивать их надежными документами и засылать в советский тыл.

В то время когда Геббельс, захлебываясь, подсчитывал дни и часы, оставшиеся до полного краха Советского Союза, абвер начинал на восточном фронте свою игру, рассчитанную на долгие месяцы, а может быть, и годы.

... В доме ксендза Фыда майор Линц застал только перепутанную насмерть служанку. Из её сбивчивого рассказа понял, что и хозяин дома, и Лоссберг арестованы, и это ставило майора в затруднительное положение. Ведь Лоссберг должен был с помощью Фыда и Буцько подобрать нужных людей и, пользуясь отсутствием сплошной линии фронта, заслать их вместе с частями отступающей Красной Армии в глубокий тыл. План этой «операции» теперь ломался, и Линцу нужно было восполнить пробел, возникший в связи с арестом Лоссберга.

* * *

Литовченко перевел дух, когда гул мотора машины его напарника сержанта Купко смолк за дальним поворотом. Всё. Лично для него война окончилась. Теперь остается только ждать. Появятся немцы, и он в целости передаст им свою машину. Полупорка новенькая – только что с завода. А ящики со снарядами, тщательно прикрытые брезентом, лучшее подтверждение его, Дмитрия Литовченко, благонадежности. Немцы-то сумеют оценить, что бы значили эти боеприпасы, окажись они в распоряжении танкистов.

Отгнав полупорку в кусты, Литовченко присел на ступеньку и закурил. Если и жалел он о чем-то в эту минуту, так только о том, что нет сейчас с ним отца. Дед Павло, как звали его односельчане, наверняка лучше и быстрее сумел бы сговориться с немецким начальством. Ведь он ждал их (или кого другого – найдется ведь сила против большевиков) с того памятного зимнего дня 1929 г., когда к ним в хату пришли представители власти и зачитали бумагу, по которой Павел Литовченко со всем своим семейством должен был этой же ночью уехать на север, в какой-то неизвестный ему Котлас, а всё его имущество и тягло переходило только что созданному колхозу «Новая жизнь». Отец цыкнул тогда на запричитавшую мать и, недобро глянув на прищельцев, процедил сквозь зубы: «Новая жизнь, выходит, и для вас и для нас. Ну что ж, посмотрим, чья верней окажется, чья вывезет».

Отец люто, но молча ненавидел Советскую власть. Там, на севере, работал до седьмого пота, содержал семью и иступленно верил в то, что большевикам рано или поздно будет крышка. Верил и внушал эту веру сыновьям.

В 1938 г. семье Литовченко, как «исправившейся трудом», разрешили возвратиться на Полтавщину. Когда приехали в родное село, оказалось, что дом их занят под детский сад, а надворные постройки перенесены на бригадные дворы колхоза. Постояли молча, погрузили и уехали в Конотоп, где отец с младшим сыном устроились на кирпичный завод, а Дмитрий – шофером в МТС. В доме поселился достаток, но Литовченко-старший затаился ещё глубже – детские голоса и смех на его подворье терзали душу, жгли огнем незажившие раны былых обид.

В сыновьях он был уверен, как в самом себе. Поэтому, когда провожал Дмитрия на службу в Красную Армию, только и бросил, как бы невзначай: «Нам с тобой, сынку, защищать пока что нечего...»

...Литовченко достал из-за голенища листовку. Вот тут черным по белому, на хорошей бумаге разъяснено, что немецкие войска идут в нашу страну с освободительной миссией, что они непобедимы, поэтому военнослужащим Красной Армии нет смысла зря проливать свою кровь; не оказывать немцам сопротивление, а сдаваться в плен или уходить к своим семьям должны они. И самое главное – эти строчки Литовченко очеркнул ногтем, – «всем, кто пострадал материально от Советской власти, имущество и земля будут возвращены полностью»...

Майор Линц с ленивым любопытством рассматривал стоящего перед ним пленного красноармейца. Вид помятый, говорит жалобно, клянет на чем свет стоит Советскую власть и, загибая грязные пальцы, перечисляет обиды, нанесенные его семье и ему лично. По глазам его абверовец видел, что мужичок этот доволен поворотом в своей судьбе. Неужели эта свинья серьезно думает, что немецкие войска пришли сюда, чтобы таскать для них каштаны из огня? Нет, голубчик, вы сами положите к ногам Германии свою страну. И уже потом мы, немцы, сами решим, кому и какую кость бросить... Линц резко прервал «исповедь» Литовченко:

- Ты зачем сдался?
- Здесь написано...
- Кто тебя послал и какое ты получил задание?
- Я сам. Христом-богом клянусь, что сам. Мне отец...
- Твой отец коммунист?

– Из хозяев мы. Землю и усадьбу у нас отобрали...
– Где твои родственники?
– Призывался я в Конотопе...
– Где и кто есть ещё? Быстро!
– В Котласе брат отца на лесоразработках.
– Ещё.
– В Киеве... Тетка по матери.
– Хорошо. Завтра поедешь в Киев. Что делать там – научим.
– Мне в Киев никак нельзя, господин офицер. НКВД на первой же улице заметет и, как дезертира, – к стенке. Я лучше тут, при вас. Могу по ремонту, и шоферить могу...

Стек коротко свистнул в воздухе, и Литовченко ощутил острую, слепящую боль, из рассеченной щеки брызнула кровь. Он не видел, как в комнату вбежали два здоровенных охранника. Сквозь боль еле разобрал короткий приказ: «Обработать и ко мне!»

Во время «обработки» Литовченко, не переставая, визжал на высокой ноте. А когда охрип и зашелся в крике, дюжие руки опять втолкнули его в знакомую комнату.

Линц был не один. В кресле, закинув ногу на ногу, сидел второй немец. Не офицер, но одетый в военную форму с фашистской свастикой на рукаве. Кивнув в сторону окровавленного и всхлипывающего Литовченко, Линц небрежно бросил:

– Очередная жертва большевизма. Хочет работать на вас. Но я решил прибегнуть к вашей помощи, Мильх, чтобы у нас с господином Литовченко осталась друг о друге хорошая память. Кстати, он утверждает, что хорошо знает в лицо весь командный и политический состав штаба той армии, где он служил.

...Машина въехала на территорию завода, просторный двор которого немцы временно переоборудовали под лагерь для советских военнопленных. Мильх отдал короткую команду начальнику охраны, и эсэсовцы прикладами начали поднимать с земли изможденных людей. Многие из них были тяжело ранены. Через несколько минут, поддерживая друг друга, они выстроились в неровную шеренгу.

– Коммунисты, евреи и чекисты, три шага вперед!

Строй не шелохнулся. Прокопченные и усталые лица замерли в тревожном ожидании, словно окаменели.

Мильх трижды повторил команду, но шеренга пленных сомкнулась ещё плотнее. Тогда вперед вышел Линц. Говорил он, медленно подбирая русские слова, любуясь своим довольно хорошим произношением, и словно не замечал сотен горящих ненавистью глаз.

– Господа, мы ценим вашу скромность. Больше того, мы понимаем её. Ведь для того, кто сделает три шага, останется всего один, четвертый, в могилу. Но мы не понимаем тех, над кем ещё вчера издевались комиссары и евреи, кто непонятно почему хочет стать еврейским прихвостнем. Мы, немцы, принесли вам свободу, а вы не хотите ею пользоваться. Сейчас мы продемонстрируем вам пример, которому должен следовать каждый разумный человек. Прошу вас, господин Литовченко.

В сопровождении двух эсэсовцев, едва волоча подгибающиеся от страха ноги, предатель пошел вдоль шеренги. Если раньше, во время речи Линца, он видел в глазах этих людей ненависть, то на себе теперь он ловил взгляды, полные презрения и гадливости.

Семь человек, опознанных Литовченко, были расстреляны тут же, во дворе завода...

* * *

По мере того как гигантское колесо войны с каждым днем набирало обороты, дел у сотрудников контрразведки фронта становилось всё больше.

Абвер уже перестал быть невидимкой. И о структуре этой секретной службы, и о её шефе – адмирале Канарисе начальник отдела контрразведки фронта бригадный комиссар Якушин был информирован. Но формы и методы работы врага, тактика и планы подразделений абвера, действующих против армий фронта, были пока, за небольшим исключением, для наших контрразведчиков загадкой. А чтобы успешно бороться с врагом, его нужно знать...

...Отдел абвер, что в переводе означает «защита», был создан в военном министерстве Германии ещё в 1919 г. И возлагались на него сугубо контрразведывательные функции внутри своих войск. Организация более чем скромная, если учесть, что по Версальскому договору Германии не разрешалось держать под ружьем более ста тысяч человек. Но милитаристские круги Германии, как позже выяснилось, делали на абвер крупную ставку. После того как периферийные звенья этой службы – абверштелле – появились при штабах военных округов, два из них – в Кенигсберге и Бреславле – начали при соблюдении строжайшей конспирации разведывательную деятельность против Советской страны и её Красной Армии.

После прихода к власти фашистов Гитлер довольно высоко оценил старания вермахтовской секретной службы в этом направлении и, несмотря на то что в его распоряжении был мощный, широко разветвленный аппарат службы безопасности министерства внутренних дел и нацистской партии, всячески содействовал дальнейшему расширению и совершенствованию абвера.

В 1938 г., уже после прихода туда опытного разведчика Вильгельма Канариса, отдел абвер был реорганизован в управление разведки и контрразведки – абвер-заграница. Теперь уже Канарис непосредственно подчинялся верховному главнокомандованию вооруженных сил (ОКБ), и прежде всего главнокомандующему – Гитлеру.

Вся недолгая история этого управления (абвер утратил свою самостоятельность в 1944 г.) – это бесконечный перечень подлостей, грязи, темных махинаций и преступлений.

Абвер сыграл свою зловещую роль в подготовке захвата Германией Австрии, Чехословакии, Бельгии, Голландии, Норвегии, Польши, Франции, Болгарии, Греции, Югославии и Румынии. Подкуп, убийства, клевета, шантаж – вот далеко не полный перечень основных методов работы этой разведки.

По мере захвата европейских стран, как грибы после дождя, возникали всё новые периферийные отделы и отделения абвера. Из пяти основных его отделов первый специализировался на чистом шпионаже. Абвер-2 занимался организацией диверсий, террористических актов, саботажа и провокаций; в круг обязанностей сотрудников третьего отдела входила контрразведывательная работа и фабрикация дезинформирующих данных. Абвер-4, или «Аусланд», изучал внутреннюю и внешнюю политику иностранных государств; и наконец, пятый отдел не только руководил четырьмя остальными, но и готовил для них заплочных дел мастеров. Как стало известно теперь чекистам Юго-Западного фронта, к началу войны подрывную и разведывательную деятельность на этом направлении непосредственно вели штаб-квартира адмирала Канариса в Берлине и абверштелле в Бреслау, Вене, Бухаресте и Кракове.

Опыт первых дней войны и первые «визитные карточки» абвера – диверсанты, переодетые в советскую форму, и миллионы провокационных листовок – всё это говорило о том, что дело приходится иметь с опасным и коварным противником.

Прекрасно понимали чекисты и другое: после полного провала диверсионных групп и весьма сомнительных результатов своей провокационной и подстрекательской пропаганды от Канариса нужно ждать последующих шагов. Какие сюрпризы готовит им абвер в самом ближайшем будущем? – этот вопрос беспокоил советских контрразведчиков. К тому же выявилась ещё одна, но предполагаемая ранее сложность.

Дело в том, что в предвоенные годы срочнослужащие Красной Армии никаких документов, удостоверяющих их личность, на руках не имели. В свои выходные дни красноармейцы и сержанты получали на руки увольнительные записки, а уезжающие в отпуск – отпускные

билеты. Теперь же, когда началась война и на некоторых участках фронта создалась неразбериха, а у противника появились наши пленные, отсутствие на руках у срочнослужащих документа – единой красноармейской книжки с фотографией её владельца, удостоверяющей личность и его принадлежность к определенной воинской части, – очень мешало в работе. Достаточно, скажем, было немецкому агенту, ничем пока себя не скомпрометировавшему, заявить в комендатуре, что он являлся красноармейцем или сержантом любой нашей части, как его тут же направляли на фронт. Нужда в людях была огромная. Поэтому каждого человека, поступающего на пополнение, командование встречало с радостью.

Вскоре красноармейские книжки были введены, но в первые месяцы войны контрразведчикам приходилось работать с учетом и этой трудности.

* * *

Дмитрия Литовченко задержали возле памятника Богдану Хмельницкому под вечер 6 июля. К патрулю подошла пожилая женщина, пенсионерка Мария Васильевна Яровенко, и посоветовала обратить внимание на красноармейца с вещевым мешком в руках. По её словам, она трижды в течение дня выходила сегодня из дому, и каждый раз ей попадался на глаза этот человек. Над городом нависла опасность, все люди заняты полезным трудом, каждый хочет сделать как можно больше для фронта, а этот крутится по площади, как будто приехал на экскурсию, купола софийские рассматривает – нашел время!

На вопрос, какой он части и что здесь делает, задержанный без запинки ответил, что ранее служил в автобате 12-й армии, был ранен. (Судя по бинту на голове, кровоподтекам и ссадинам, помощники Линца поработали на совесть.) Оказавшись в команде по сопровождению санитарного поезда, решил остановиться на денек в Киеве, навестить здесь тетку, а затем явиться в военную комендатуру и просить, чтобы его направили в какую-либо автомобильную часть. Вот теперь он и «ищет комендатуру».

Здание комендатуры находилось рядом с площадью Хмельницкого. Здесь кроме буханки хлеба и банки мясных консервов у Литовченко обнаружили ракетницу и 36 ракет разных цветов. На вопрос, почему у него находятся эти вещи, он заявил, что ему их выдали в комендатуре станции Тернополь, чтобы в случае налета фашистской авиации на поезд давать ракетами сигналы машинисту.

Объяснение, прямо скажем, наивное. Учитывая к тому же сообщение патруля, дежурный доложил о задержанном коменданту гарнизона полковнику Черкасову. Полковник уже знал о том, что в городе орудуют диверсанты-ракетчики и что с их помощью прошлой ночью во время налета уничтожены два цеха на «Большевике». Поэтому он сразу же приказал отправить Литовченко в отдел контрразведки фронта. Здесь задержанный повторил показания, дополнив их подробностями своего «ранения». Видимо, он хотел произвести впечатление на оперработника.

Выходило так, что в ночь на 29 июня в районе села Долина попал в окружение и застрел из-за нехватки горючего наш танковый полк. Доставить танкистам всё необходимое вызвались десять шоферов-добровольцев, и среди них он, Литовченко. Но ещё при подходе к Калушу колонна напоролась на немецкие танки. Машины загорелись, часть водителей попала в плен, он со своим раненым командиром сержантом Купко успел добежать до леса. К своим добирались через Галич, Ходоров, Тернополь. Там их посадили на санитарный поезд, и ему, как легко раненому, комендант поручил в случае необходимости исполнять роль сигнальщика.

Оперуполномоченный политрук Иванов всё это записывал в протокол, но с каждой новой строкой всё больше укреплялся в своих подозрениях. Под конец не выдержал:

– Неувязка, Литовченко, получается. С одной стороны, ты, жизнью рискуя, на полуторке против танков пошел, кольцо окружения самолично хотел прорвать, а с другой стороны, с

поезда удрал, командира раненого одного бросил, да и тут, в Киеве, два дня комендатуру найти не можешь.

– Так ведь тетка, гражданин начальник. После отца-матери самый близкий человек...

Свои сомнения оперуполномоченный Иванов доложил начальнику отделения батальонному комиссару Коноплеву. Тот молча выслушал подчиненного, просмотрел протокол допроса и оставил его у себя.

В полночь молодого оперработника вызвали к начальнику отдела контрразведки фронта. Иванову пришлось изложить свои соображения здесь ещё раз.

– Ну и к каким ты пришел выводам? – после короткой паузы спросил Якушин.

– Враг он, товарищ бригадный комиссар. Стопроцентный лазутчик. Чует моё сердце.

– А ты не на чувства нажимай, а на факты. Подозрительный он тип – это точно. Но ракетница-то в заводской смазке, нестреляная, не он сигналы подавал, и ранение налицо. Ты сумей его факты своими побить. Если засланный, то очень важно, чтобы он заговорил. Это же первая ласточка новой формации с той стороны. С пылу, что ни на есть, с жару. За ним другие обязательно пойдут. И нам позарез нужно знать, кто его вербовал, где, как, какое задание ему дали. Вот ты и соображай.

– Понимаю, товарищ бригадный комиссар. Так ведь он же, гад, в беспроигрышную играет – и Станислав, и Калуш, и Долина, и Ходоров, и Тернополь у немцев уже. А штаб и отдел контрразведки армии в полуокружении – третий день связи нет.

– Знаю, Иванов. Но проверить всё-таки нужно. Литовченко должен заговорить. Да, кстати, ты теткой его быстрее поинтересуйся, может, что дельное подскажет.

Но Варвару Кузьминичну Степанко разыскивать не пришлось. Она объявилась сама. Утром пришла в комендатуру и рассказала дежурному обстоятельно и многословно: заявился к ней третьего дня племянник по сестриной линии, сказался раненым, а сам целыми днями по городу шастает, да ещё с мешком тяжеленным. Говорил, что поедет к себе в Конотоп на излечение – пока припадки от головного ранения не прекратятся. А по её мнению, никакой он не раненый и не припадочный, а самый настоящий дезертир. И дезертир вредный – и ей и соседям уши прожужжал про немцев и про силу их непобедимую. Эту ночь дома не ночевал – не иначе как в Конотоп свой удрал. «Вы его, товарищ командир, обязательно разыщите да всыпьте как следует. Пусть не юлит, когда люди кровь проливают».

Через полчаса Варвара Кузьминична была уже у Иванова, и тут выяснились интересные подробности биографии Литовченко.

Тепло проводив старушку, Иванов доложил о новых обстоятельствах начальникам. Проверку решено было вести по всем направлениям: по Лохвице, где родился Литовченко, Конотопу и Котласу. Сам же Иванов на У-2 вылетел в расположение 12-й армии.

Командование автобата, к которому обратился оперуполномоченный, в целом характеризовало Литовченко положительно: трудолюбивый, дисциплинированный, знающий, – но действительные обстоятельства его исчезновения в корне расходились с показаниями самого задержанного. Сержант Купко привез боеприпасы в танковый полк, а его напарник отстал по дороге.

Был ли Купко тогда ранен? Нет, он погиб три дня спустя, когда вывозил под бомбежкой семьи военнослужащих. Иванову оставалось уточнить, чем занимался Литовченко с 29 июня по 6 июля, когда был задержан. Но на этот вопрос ответ мог дать лишь сам задержанный.

* * *

На следующий день Литовченко начал давать показания. Иванов участия не принимал. Уже под самым Киевом их У-2 был обстрелян «мессершмиттом». Он и летчик получили ранения. Но чекист категорически отказался ехать в госпиталь и не сел в санитарную машину

до тех пор, пока на аэродром не прибыл батальонный комиссар Коноплев. Данные, которые собрал Иванов, оказались очень ценными. Их предъявили Литовченко, когда он пытался развить легенду в выгодном для себя свете, и теперь он сдался.

У страха, как говорится, глаза велики. С ужасом обнаружив, что контрразведчики знают о нём всё, он, кап-всякий трус и предатель, видел лишь один путь для спасения собственной шкуры – предательство новых своих хозяев.

...После кровавой расправы в лагере для военнопленных он, уже без дополнительной «обработки», подписал обязательство о своем согласии работать на немецкую разведку. Обедал он в обществе пяти хмурых красноармейцев. Ели молча. Ни фамилий их, ни имен не знает. Описать тоже не может – слишком много волнений было в тот день. Всех их снова привели к немецкому майору, где предатели получили общий инструктаж. «Из достоверных источников, – говорил фашистский офицер, – нам хорошо известно, что ваше бывшее командование надеется не столько на свои картонные танки и винтовки образца прошлого века, сколько на фанатизм, или, как у вас говорят, на морально-политическую стойкость бойцов. Вы уже сами убедились, что никакой героизм не устоит против немецкой брони, против немецких самолетов, против немецкого солдата. Советская Россия обречена. Поэтому вы, попав за линию фронта, должны помочь своим соплеменникам избежать бесполезного кровопролития. Объясняйте всем и каждому, что борьба бессмысленна, что величие Германии – в её непобедимости. Пусть солдаты идут по домам, к своим женам и детям. Фюрер позаботится о том, чтобы все имели хорошую и сытую жизнь. А вы, наши верные помощники, получите назад свои земли, мельницы, усадьбы, магазины. Мы вам щедро заплатим, и рейхскомиссар пожелает всем „почетные должности...“»

Задания получали поодиночке. Ему вручили две ракетницы и сотню ракет. С ними он должен был прибыть в Киев, поселиться у тетки, вдовы рабочего завода «Арсенал», разыскать по паролю «Время действовать» закройщика Верпаховского и уже вместе с ним подобрать объекты для бомбардировки. В первую очередь обращать внимание на места расположения штабов, других оборонных объектов, партийных и советских учреждений. После этого с Верпаховским в контакт не вступать, действовать самостоятельно.

Когда же фронт переместится к Киеву, ему надлежало отходить с советскими войсками до Полтавы – задания оставались прежние. В случае если задержат, уверенно рассказать на скорую руку составленную легенду, а если не хватит ракет – добывать их на месте. «Красная Армия отступает и всё бросает на своем пути, – говорил майор. – Трудностей для приобретения ракет у тебя не возникнет».

В Полтаве Литовченко должен был дожидаться прихода немецких войск, явиться в их военную комендатуру и заявить, что он есть дойчагент. Его оттуда передадут в разведку, и там он уже получит заслуженное вознаграждение.

...Верпаховского арестовали той же ночью в сосновом лесочке неподалеку от Дарницкого железнодорожного узла. В хозяйственной сумке были обнаружены ракетница и комплект разноцветных ракет. На следствии под ударами он сознался, что на военную немецкую разведку работает с февраля 1940 г. Завербовали его во Львове и сразу же направили на оседание в Киев. Ожидая со дня на день войны, семью свою сюда не перевозил. Человека с той стороны ждал с нетерпением. В первую же ночь после встречи с ним осветил ракетами советскую танковую колонну, потом навел «юнкеры» на завод «Большевик». Сегодня хотел сигнализировать немцам из Дарницы: видел, что там скопилось большое количество эшелонов с горючим и боевой техникой.

...Оба предателя получили по заслугам. Военный трибунал приговорил их к расстрелу.

* * *

В особом отделе Юго-Западного фронта⁷ показания Литовченко и аналогичные сведения, поступающие из подчиненных отделов соединений, тщательно анализировались. Картина получалась более или менее ясная. Несмотря на некоторое изменение в тактике действий в советском тылу, немецкое верховное главнокомандование и его абвер по-прежнему пока главную ставку делали на разложение нашей армии, на бредовую идею «пятой колонны», якобы существующей в Советском Союзе. Это был большой просчет руководителей третьего рейха при разработке стратегии войны против нашего государства. Опираясь на социально чуждые советскому строю элементы – националистов, бывших хозяйчиков, уголовников, морально и политически разложившихся людей, руководство немецкой разведки, как говорится, за деревьями не увидело леса. С первых дней нападения гитлеровцев на Советский Союз война для нас стала всенародной, в полном смысле слова Отечественной войной.

Головорезы из «Бранденбурга» и «Нахтигалья» годами проходили специальную подготовку, совершенствуясь в искусстве убивать и грабить. Они были вооружены до зубов, но оказались бессильными против истребительных батальонов, которые состояли из вчерашних школьников и пенсионеров, пожилых колхозников и колхозниц. Большинство диверсантов-ракетчиков было выловлено с помощью населения. Показателен в этом отношении и случай с Литовченко – родная тетка не пожелала покрывать дезертира и паникера. А ведь Варвара Кузьминична не предполагала, в каком обличье явился в Киев её племянничек.

Из показаний Литовченко руководство особого отдела фронта сделало ещё один важный вывод. Несомненно, он убежденный враг Советской власти. Видимо, поняли это и немцы – иначе не доверили бы они ему своего хорошо законспирированного агента. Ведь до появления Литовченко Верпаховский был вне подозрений. А с другой стороны, абвер забрасывает его на нашу сторону без предварительной подготовки и с очень узкого характера заданием. Ведь стоило бы подучить этого кулацкого сынка хотя бы на краткосрочных шпионских курсах, и он мог бы принести гитлеровцам большую пользу.

Случай с Литовченко ещё и ещё раз подтверждал: опьяненный первыми успехами, абвер настраивает свою разведывательно-диверсионную машину на «крупный помол». Это в значительной степени облегчало задачу нашей контрразведки. Если известен яд, легче найти противоядие.

⁷ В середине июля 1941 г. органы военной контрразведки НКО были преобразованы в особые отделы НКВД. Воинские звания оперсостава были изменены на спецзвания. Так, спецзвание «младший лейтенант госбезопасности» было равнозначно воинскому званию старшего лейтенанта или политрука. Звание «лейтенант госбезопасности» – капитана; «старший лейтенант госбезопасности» – майора; «капитан госбезопасности» – полковника; «майор госбезопасности» – генерал-майора; «старший майор госбезопасности» – генерал-лейтенанта; «комиссар госбезопасности» – генерал-полковника. Начальником особого отдела Юго-Западного фронта был назначен комиссар госбезопасности А. Н. Михеев.

Всем миром

Сегодня, оглядываясь с дистанции прожитых лет на события далекого и такого близкого всем нам, фронтовикам, 1941 г., в который раз перебираешь в памяти неподвластные времени подробности тех дней и пытаешься сформулировать для себя, что же тогда произошло. Не беру на себя роли первооткрывателя – воспоминаний на эту тему написано достаточно. И всё же попробую со своей точки зрения, точки зрения армейского чекиста, разобраться не столько в причинах наших временных неудач, сколько в причинах нашего главного успеха. Да, я не оговорился, именно успеха.

Действительно, к июню 1941 г. у нас было мало танков, самолетов, автоматов. Военная промышленность только начала осваивать выпуск необходимого количества оружия. Армия не имела должного боевого опыта. Но Советская страна была готова к войне, к решительному отпору империализму, который избрал своим орудием фашистскую Германию. Готова была морально, идейно, политически. Был народ с богатыми патриотическими традициями, а костяком, цементирующим и объединяющим его, являлась наша партия, коммунистическая идеология, беззаветная верность высоким идеалам и любовь к социалистической Отчизне.

В первые дни войны мне лично не раз приходилось видеть, как в единоборство с бронированными чудовищами Гудериана и Клейста смело вступали советские танкисты на своих далеко не отвечавших тому времени БТ. Гибли, но в схватках зачастую и выходили победителями. Я хочу напомнить нашей молодежи, что крылатая фраза: «Считайте меня коммунистом» – родилась не в дни нашего победоносного движения на запад, а в дни самых суровых испытаний, в обороне, в окружении. Люди уже знали, что попавших в плен только за принадлежность к партии Ленина гитлеровцы расстреливали на месте.

Ступив на нашу землю, гитлеровцы, естественно, начали искать опору своему «новому порядку» среди местного населения и военнопленных. Бесчеловечный и извращенный в своей сути, фашизм стремился растлить всё вокруг себя. От истории никуда не уйдешь – были у Советской власти враги явные и тайные, всплыли на поверхность недобитые махновцы и петлюровцы, воспрянули духом затаившиеся бывшие нэпманы и кулаки, польстились на щедрые посулы люди, не имеющие твердых моральных устоев и принципов. Одни ряздились в форму полицейских, других захватила жажда наживы, третьи с парабеллумом и взрывчаткой за пазухой забрасывались в советский тыл. Но опять-таки история неопровержимо доказала: не они делали погоду. И даже в период самых «блистательных» побед вермахта их предательские душонки холодили страх неотвратимого возмездия.

И сейчас, перебирая в памяти основные операции, которые проводил в то время (да и потом) особый отдел фронта, я не могу вспомнить ни одной, где бы чекисты действовали обособленно, только своими силами. Всегда и везде у нас были десятки, сотни добровольных помощников. Я уже рассказывал о полном провале плана запугивания и террора, который осуществляли отборнейшие диверсанты абвера, о разоблачении агентов-ракетчиков и уничтожении групп Шмундта и Лямке.

Осенью 1941 г., когда размеры угрозы, нависшей над нашей страной, осознал каждый советский человек, мы, чекисты, в полной мере оценили, каких замечательных людей воспитали наш строй, наша Коммунистическая партия. Рабочие и колхозники, школьники и домохозяйки всегда и во всём старались помочь нам. И это не было, как кое-кто сейчас на Западе пытается изобразить, тотальной подозрительностью, всеобщей слежкой. Каждый советский человек чувствовал свою личную ответственность за судьбу Родины, каждый хотел по мере сил помочь общему делу, а отсюда – и высокая, в полном смысле слова революционная бдительность.

Вспоминается мне такой характерный эпизод. В первую военную осень в прифронтовой полосе скопилось огромное количество мирного населения – беженцев и эвакуированных. В

Воронеже, например, где располагался в то время штаб Юго-Западного фронта, до войны население не превышало трехсот пятидесяти тысяч человек. В конце же октября 1941 г. здесь находилось не менее полутора миллионов жителей. Вместе с честными, пострадавшими от войны людьми здесь скрывались дезертиры, спекулянты, уголовники, и самое главное, среди такого количества беженцев легко могла затеряться агентура врага.

Когда, по опыту гражданской войны, было решено впервые провести внезапную проверку документов у всего населения городов прифронтовой полосы, некоторые наши товарищи засомневались: на людей, мол, свалилось громадное горе, многие лишились крова, потеряли близких, и такая акция может вызвать обиду, раздражение, что при таком скоплении людей нежелательно.

Однако результаты первой же проверки наглядно показали, что народ нас понял правильно. Больше того, в ходе таких проверок мы приобрели много новых надежных помощников.

– Ты не только в документ смотри, ты людям в душу смотри, на человека опирайся, – поучал меня в Купянской комендатуре самолично явившийся туда дедок лет семидесяти. – За справным документом ты сволочь можешь и не приметить. А народ, что вокруг, он в тысячу глаз смотрит – ему всё видно. Всем миром гадов надо давить.

Старик, что называется, в воду глядел.

Наш ещё неопытный оперработник не нашел ничего подозрительного в документах двух молодых людей, которые ожидали поезда на Купянском вокзале. А пассажирам, которые находились в зале ожидания вместе с ними несколько суток, подозрительными показались и их постоянное перешептывание, и обильная (не по времени) еда, и главное, в добротном чемодане парней вездесущий дедов внук Вася углядел толстые пачки денег. Мы тепло поблагодарили деда, звали его Иваном Калистратовичем, и конечно же сразу «исправили ошибку». Через полчаса подозрительные молодые люди были доставлены к капитану госбезопасности Павлу Никифоровичу Белоглазову.

* * *

Матерн и Молль своего недовольства по поводу задержания вслух не выражали. Держались разве что, с чувством слегка задетого самолюбия. Они спокойно говорили, что всё прекрасно понимают: время военное, фронт близка, а тут два пария призывного возраста торчат на вокзале, да ещё и немцы по национальности.

Белоглазов внимательно осмотрел документы задержанных. Если «липа», то сделана очень толково – не придерешься. Его сомнения на этот счет окончательно рассеял младший лейтенант госбезопасности Наливайко, который до войны работал в паспортном столе киевской милиции. Паспорта были настоящие. По ним следовало, что Матерн и Молль, уроженцы Днепропетровской области, из немецких колонистов, оба постоянные жители Киева. Матерн – актер, служил в одном из киевских театров, а Молль – студент выпускного курса техникума физической культуры. 40 тысяч рублей, найденные при обыске, Матерн получил незадолго до начала войны от родителей, которые собирались переезжать к сыну и просили его присмотреть где-нибудь на окраине домик с садом. Артисты труппы, в которой находился Матерн, уезжали из Киева в конце августа чуть ли не по тревоге («Вы-то знаете, что там творилось!»), и он не успел эвакуироваться с коллективом по той простой причине, что его никто в известность о дне отъезда не поставил. Он прожил в Киеве ещё три недели, работал на строительстве укреплений и только накануне прихода немцев решил уходить в глубь страны и искать свой театр. По независящим от него обстоятельствам получилось так, что за три месяца ему удалось добраться только до Купянска и переходить линию фронта не с красноармейцами, выходящими из окружения, а с Моллем.

Молль рассказал, что все студенты техникума были призваны в Красную Армию на второй день войны. Он же не явился в военкомат по той причине, что сосед сказал ему, будто немцев в армию не берут. Он пошел работать на оборонительные сооружения, где и познакомился с Матерном. В канун прихода гитлеровцев решили вместе пробираться на восток. Матери обещал устроить его на какую-нибудь работу в театр, как только они разыщут его на Урале.

Белоглазову стало всё ясно. Он подошел к шкафу, вынул оттуда папку и, найдя нужную страницу, положил перед Моллем. Прочитав, тот покрылся крупной испариной. Молль и его хозяева не учли одной существенной детали. Никаких распоряжений в дни, когда Моллю и Матерну надлежало явиться на призывной пункт, не было.

В этом сказывался один из весьма характерных просчетов гитлеровской разведки в начальный период войны. Опытенные первыми успехами, они сами для себя создали иллюзию «широкого выбора». Из темных подворотен к ним хлынула нечисть всех мастей, и абвер наивно полагал, что источники эти неиссякаемы. Поэтому гитлеровские разведчики не очень-то заботились об отработке прочных легенд своим новоиспеченным агентам. Видимо, они считали, что если два-три шпиона провалятся за линией фронта, то в этом большой беды не будет: аналогичное задание выполнят другие.

Пауза затягивалась, и Молль разволновался.

– Нас расстреляют как дезертиров?

– Это дело трибунала. Но судить вас будут как немецких агентов.

– Но мы не сделали ничего плохого. Мы действительно не знали о том, что такого распоряжения тогда ещё не было. С первого дня все были так настроены против немцев.

– А как относились к вам люди, с которыми вы работали на укреплениях?

– Мы скрывали свою национальность...

– А друг другу всё-таки открылись? Ведь до этого вы знакомы не были.

– Это произошло совершенно случайно. Матерн сказал мне...

– Послушайте, Молль, неужели вы думаете убедить кого-нибудь, что в прифронтовую зону вас, немцев, пропустили без предварительной проверки документов? Через два часа я вас вызову снова. Хорошенько подумайте. И мой вам совет: не пытайтесь давать нам запасную легенду. Говорите только правду. Это в ваших же интересах...

История падения двух этих молодчиков особой оригинальностью не блещет. Дети зажиточных родителей, они были воспитаны в частнособственническом духе. И когда разразилась война, всенародное горе было воспринято ими как досадная помеха на пути к сытой и беззаботной жизни. Кроме того, не давала покоя боязнь за свою шкуру. Оба воспрянули духом, когда прочитали листовки, где говорилось, что фольксдойче получают от немецкого командования особые привилегии. Будущее уже не рисовалось столь мрачным.

При подходе немцев к городу они не эвакуировались со своими коллективами, а затаились по норам. И лишь спустя несколько дней после установления в Киеве «нового порядка» Матерн и Молль явились к немецким властям и предложили собратьям свои услуги. Да, ни актеры, ни физруки в тот момент фатерлянду нужны не были. Но их, как фольксдойче, отлично знающих русский и украинский языки, обычаи, порядки и законы в Советской стране, наметили использовать в другом направлении – на агентурной работе в советском тылу. За неё они и их родители после окончания войны получают крупные земельные владения на Днепропетровщине и смогут тогда в неограниченном количестве использовать дармовую рабочую силу местного населения.

Офицер-вербовщик всячески старался польстить их самолюбию, взывал к величию германского духа, говорил, что не к лицу двум таким бравым молодым немцам просиживать штаны в канцеляриях или состоять переводчиками при городской управе. Рейх велик и непобедим, а разведка – глаза и уши рейха. Разве может быть более почетное задание для каждого настоящего немца? Ощущая легкий холодок в груди, Матерн и Молль тут же подписали обя-

зательство работать на абвер. И уже на следующий день они выехали в Полтаву для обучения в разведывательной школе, организованной здесь абвером.

Курс «наук» был сжат до предела. И уже через месяц Матерн и Молль получили первое задание: пробраться в Сталинград, установить, какие заводы работают на оборону и какую выпускают продукцию, обозначить на карте расположение воинских частей и складов, выяснить, вывозятся ли из города запасы хлеба и где именно они хранятся, и главное, постараться уточнить, готовится ли Сталинград и эвакуации. Прочно обосновавшись на месте, агенты должны были также организовать на оборонных заводах и складах ряд диверсий.

На выполнение задания им дали три месяца. По приезду в Сталинград они должны были устроиться на работу и постепенно заводить знакомства среди заслуживающих, с их точки зрения, доверия лиц. В разведке им советовали основную ставку делать на выходцев из немцев с Поволжья. Крайний срок возвращения в Полтаву – апрель 1942 г.

Оставив на руках у них подлинные документы и положив в основу легенды настоящие их биографии, абверовцы преследовали определенную цель. И Матерн и Молль были призывного возраста. Человека любой другой национальности, задержанного в прифронтовой зоне, сразу же заподозрили бы в уклонении от призыва. Немецкое же происхождение двух агентов, «не призванных в армию», по мнению абверовцев, обеспечивало им свободное продвижение в глубь страны. Но у немецкой разведки и здесь получился просчет.

Анализируя показания Матерна и Молля, сотрудники особого отдела Юго-Западного фронта выделили для себя четыре основных момента. Само по себе важным было уже то, что два опасных преступника не смогли выполнить задания, их подрывная деятельность в крупном промышленном центре, снабжавшем фронт боевой техникой, боеприпасами и людскими резервами, была пресечена в самом зародыше. Кроме того, от них особый отдел фронта получил первые сведения о создании немцами разведывательных школ на оккупированной территории. Особый интерес вызывала школа в Полтаве – осиное гнездо в непосредственной близости от фронта. Сведения о месте её нахождения, профиле, преподаваемых дисциплинах, режиме, сроках обучения, руководстве школы, о преподавателях, вербовщиках и обучающихся в ней были очень важными козырями в разгоревшейся борьбе с абвером.

Матерн и Молль сообщили также, что на окраине Киева, в Дарнице, немцы создали большой лагерь для советских пленных командиров и что при этом лагере работает группа офицеров гестапо и абвера, которая подбирает «курсантов» для Варшавской школы абвера, где готовятся агенты-разведчики и агенты-диверсанты. Таким образом, чекисты получили возможность в самое ближайшее время предпринять контрмеры, в результате которых эффективность действия двух главных на этом участке фронта центров абвера могла быть сведена до минимума.

Два других момента, выделенные сотрудниками особого отдела из показаний Матерна и Молля, носили стратегический характер. И о них немедленно было доложено советскому Главному Командованию. Агенты сообщили, что в Полтаву они должны были возвратиться не позже апреля 1942 г. Это давало основание считать, что штаб группы армий «Юг» и абверовский орган при нём предполагают находиться в Полтаве, по крайней мере, до апреля. Следовательно, немецкое командование в течение зимы и первых месяцев весны не намечало на Юго-Западном направлении крупного наступления. О предполагаемом же направлении главного удара гитлеровцев в весенне-летнюю кампанию можно было судить уже по тому повышенному интересу, который проявлял абвер к Сталинграду. Как показали дальнейшие события, предположения чекистов полностью оправдались.

Говоря о неоценимой помощи, которую постоянно оказывали нам, работникам органов госбезопасности, советские люди, я не могу не вспомнить о Степане Митрофановиче Челомбитко, начальнике цеха одного из запорожских заводов. Под непрерывными бомбежками он демонтировал и эвакуировал на Восток ценнейшее оборудование. Четыре транспорта отпра-

вил на Урал Степан Митрофанович, а с пятым, последним, застрял на одной из пригородных станций Воронежа.

Общее горе и общая судьба сближают людей. Поэтому, когда на станции Воронеж Челомбитко познакомился со своим донецким коллегой Петром Коломийцем, который вот уже вторую неделю мытарился с особо важным грузом под непрекращающимися бомбежками, он проникся к нему глубокой симпатией и сочувствием. Ночевали на вокзале, а по утрам расходились каждый по своему ведомству выбивать зеленую улицу на Восток. По вечерам встречались вновь, разжигались кипятком и, гоняя чай, сетовали на неразбериху и поругивали бюрократов. Настойчивость Степана Митрофановича в конце концов была вознаграждена. Пробившись к самому высокому железнодорожному начальству, он не только лучшим образом устроил свои дела, но и замолвил словечко за Коломийца, рассказав, что без оборудования, которое тот сопровождает, не может быть пущен завод. Начальник оказался человеком государственным и сказал, чтобы Коломиец явился к нему со всеми бумагами в семь часов утра.

Степан Митрофанович радовался как ребенок. Он даже удержался от соблазна немедленно отправиться к своему эшелону. Решил утром идти с Коломийцем, чтобы лично убедиться, что и у него всё в порядке. Однако Коломиец особой радости не выражал, а ночью просто-напросто исчез с вокзала.

Поведение нового знакомого озадачило Степана Митрофановича, а когда он припомнил некоторые, как бы вскользь брошенные высказывания, то смекнул, что дело тут явно нечисто. Через час он уже беседовал со старшим лейтенантом госбезопасности К. И. Пальчиковым. Сведения, полученные от Степана Митрофановича Челомбитко, и точное описание его вокзального знакомого помогли изобличить и обезвредить опасного преступника. Коломиец был задержан в тот же день при попытке выехать в Тамбов.

В штат абвера Коломиец был зачислен ещё в 1940 г. Работая главным инженером на одном из львовских предприятий, он совершил большое должностное преступление и, опасаясь заслуженного возмездия, бежал в Польшу, захватив с собой крупную сумму денег. Перебежчиком сразу же заинтересовалась немецкая разведка. Коломийцу вначале предоставили возможность покутить по злочным местам Варшавы. Потом он был арестован и доставлен в Краков в здание бывшего воеводства, где размещался один из центров разведки абверштелле-Краков. Здесь в основном проходили выучку агенты из эмигрантских кругов и украинских буржуазных националистов. Хорошо воспитанному Коломийцу это общество не слишком импонировало, однако он прекрасно понимал, что другого выхода в тот момент у него нет. Нужно было приспособливаться, и предатель добросовестно совершенствовался в «искусстве» наемного агента-диверсанта. Он настолько преуспел, что способным курсантом заинтересовался сам начальник абверштелле полковник Визер. Побеседовав с Коломийцем, проверив глубину его технических познаний и знаний тонкостей советского уклада жизни, полковник решил, что использовать такого агента в роли рядового диверсанта непозволительная роскошь. Вскоре Коломиец был передан в штаб «Валли» в предместье Варшавы и после тщательной подготовки на вживание в глубоком советском тылу оказался в Полтаве, где окончательно отработал свою легенду и обзавелся документами «уполномоченного по продвижению на Восток демонтированного оборудования одного из оборонных заводов Донбасса».

Используя обстановку, которая сложилась в то время на железной дороге, и обладая вполне надежными бумагами, Коломиец должен был в течение двух-трех недель находиться в прифронтовой полосе: разведать группировку советских войск на воронежском направлении и, передав собранные сведения человеку, к которому должен был явиться по паролю: «Привет вам от Франца Генриховича», – выехать из Воронежа по маршруту Мичуринск – Тамбов – Саратов. В этих городах необходимо было установить количество войск и выяснить, готовятся ли они к отправке на фронт или просто несут гарнизонную службу и обеспечивают противовоздушную оборону. Интересовалась немецкая разведка настроениями местного населения: что

говорит оно о войне, о победах, одержанных немцами, думают ли русские продолжать войну или собираются заставить своё правительство капитулировать и признать победу за Германией.

Все это нужно было зашифровать и переслать по почте в Воронеж по знакомому уже Коломийцу адресу.

На этом первая часть задания заканчивалась. Сообщив воронежскому коллеге адрес в Саратове, Коломиец по своим документам должен был устроиться на один из оборонных заводов, желательно авиационный, работать не за страх, а за совесть, войти в доверие к руководству и до прибытия связного не предпринимать никаких активных шагов.

Начало операции, по мнению Коломийца, проходило блестяще, и всё сложилось бы как нельзя лучше и в дальнейшем, не навязись к нему со своей помощью этот Челомбитько. Разрабатывая легенду, ни Коломиец с его мелкой душонкой предателя, ни его хозяева не могли даже предположить, что на пути встретится совсем незнакомый человек и воспримет мнимые хлопоты Коломийца как своё кровное дело. В рамки их моральных понятий не укладывалось, что для настоящих советских людей, когда речь идет о главном, не существует разделения на «твое» в «моё».

Поэтому крах Коломийца и ему подобных вполне закономерен. И пусть не Челомбитько, – всё равно кто-нибудь другой обязательно встал бы на пути шпиона, отвел бы преступную руку и разоблачил предателя. И от сознания этой всенародной поддержки нам, чекистам, легче работалось, хотелось сделать ещё больше для своей страны, для своего народа.

Кстати, заявление Степана Митрофановича Челомбитько предопределяло и арест второго гитлеровского агента в Воронеже, к которому должен был по паролю явиться Коломиец, но это было уже сделано. О конспиративной квартире по улице 27 Февраля в особом отделе фронта уже знали, и хозяин её, некий Граков, был арестован контрразведчиками ещё в начале декабря. Произошло это при довольно любопытных обстоятельствах...

Саша Прядко, несмотря на свои 22 года, был человеком бывалым. Рано лишился родителей, а у его вдовой тетки только и хватало сил да времени накормить и кое-как одеть племянника. Потому и рос он в тихой заводской слободе, что называется, как трава при дороге. Набеги на соседние сады и лихие драки с заречанцами незаметно сменились забавами куда менее безобидными. Как-то их атаман долговязый Ленька-верста под секретом сообщил, что на склад заводского ОРСа привезти целую машину африканских апельсинов – к празднику будут раздавать начальству. У мальчишек загорелись глаза – вот бы попробовать! Сказано – сделано. И пока Санька-очкарик – самый грамотный среди них – добросовестно пересказывал сторожу сводку о последних событиях в Абиссинии, хлопцы забрались на склад.

В тот вечер попробовать апельсинов им не удалось. Внимательно слушая взволнованный рассказ о коварстве итальянского дуче, сторож всё же уловил подозрительный шорох в складском сарае, поднял тревогу, и всю компанию накрыли. Горьковато-сладкий вкус заморских плодов Саша распробовал уже в камере предварительного заключения. Их – три штуки – принесла ему заплаканная тётя Настя. Апельсины, как узнал позже Саша, предназначались для детских подарков.

Суд был строгий, но правый. Отработав два года в исправительно-трудовых лагерях, вплотную столкнувшись с закоренелыми уголовниками, Сашко понял, на краю какой пропасти он стоял. Освободившись, пришел на завод, где работала тетка, где работали покойные отец с матерью. Стал хорошим слесарем. И если люди о его прошлом не вспоминали, с какой стати должен был помнить о нём сам Саша! Когда заработки достигли приличной суммы, настоял, чтобы тетка уволилась и сидела дома – наработалась на своем веку. Пошёл в вечернюю школу, о женитьбе подумывал, а тут война...

На фронт попал по первому же призыву. Протопал пешком в отступлении от Винницы. Был в окружении, вышел, а в боях за свой родной Харьков отличился: заменил убитого пулеметчика и, пока самого не ранило, сдерживал атаки немцев. Уже в госпитале узнал, что за

тот бой награжден медалью «За отвагу». И вот сейчас он, бывалый фронтовик, с заслуженной наградой на гимнастерке, сидит в жарко натопленной будке контрольно-пропускного пункта, ожидает попутной машины в сторону фронта и, попивая кипяток с черным сухарем, степенно беседует с только что сменившимся сержантом войск НКВД Крайновым.

Мирную беседу прервал настойчивый автомобильный гудок. А ещё через несколько минут напарник Крайнова, ефрейтор, привел в будку мужчину лет пятидесяти, в дырявом полушубке, с тощим мешком за плечами. Ефрейтор снял его с санитарной машины для выяснения личности. В кузове было несколько тяжелораненых, и задерживать «санитарку» долго он не мог.

– Если всё в порядке, – успокаивал он взволнованного пассажира, – отправим в Воронеж первой же попутной. – И уже официально, обращаясь к сержанту: – Товарищ старший наряда, гражданин утверждает, что следует со станции Валуйки в Воронеж провести больную дочь. Санитарная машина подобрала его километрах в сорока от города на дороге. Документами обеспечен – вот тут паспорт, а здесь справки всякие.

При слове «Валуйки» Саша Прядко насторожился. Как в тумане возникли в памяти картины его непутевого отрочества. В Валуйках пришлось ему тогда отбывать предварительный срок. И сейчас Саша вдруг понял, что там он взялся за ум...

...Видя, что проверки не избежать, задержанный начал обстоятельно рассказывать свою историю. Фамилия его Шелуденко, зовут Петром Антиповичем. Со дня своего рождения живет в городе Валуйки. Сейчас они со старухой остались вдвоем: дочка Надежда ещё до войны переехала в Воронеж. Из-за неё, собственно, вся эта оказия и приключилась. Третьего дня поступал к ним в окно один проезжий советский командир. Получалось так, что этот командир и их дочь несколько дней жили в Воронеже в одной квартире. Дочь знала, что он вскоре должен быть в Валуйках, и, когда её забирали в больницу с тяжелым воспалением легких, дала ему адрес родителей, попросила зайти к ним и сказать о её болезни. Они со старухой так разволновались, что не сообразили спросить у командира дочкин новый воронежский адрес или название больницы, в которую её поместили. Сам же командир очень спешил и, сев в машину, тотчас уехал.

Документы были в порядке, и Крайнев вернул их Шелуденко. Убедившись, что официальная часть окончена, решил подключиться к беседе и Прядко.

– Ну а как там, папаша, в Валуйках, домзак живет и здоровствует, немец не порушил?

– Это по тебе, охальник, тюрьма плачет, – насупился Шелуденко. – У человека горе, а он с глупостями всякими...

Прядко замолчал, но мысль его работала лихорадочно. Спустя минуту он накинул ватник и вышел на улицу.

– Послушай, ефрейтор, не нравится мне дядька этот.

– А ты что, в зятя к нему собрался?

– Да я не о том. Понимаешь, какое дело: я ему про тюрьму местную намекнул, а он смотрит на меня как баран на новые ворота. А тюрьма эта ещё царской постройки, единственная, можно сказать, пока достопримечательность в тех самых Валуйках. Он там и близко не был, не то что родился – голову наотрез даю. Вот ты и прикинь: для дезертира дядька-то староват... Соображаешь?

Ефрейтор оказался сообразительным. Оставив на минуту Прядко подежурить у шлагбаума, он пошел в будку к сержанту.

...Примерно через час приехал старший оперуполномоченный особого отдела Т. Бучко. Он ознакомился с документами Шелуденко; выслушав доклады сержанта и ефрейтора, предложил задержанному показать всё, что есть у него в карманах и в мешке. Шелуденко просил ничего у него не отбирать: он везет продукты больной дочери. Однако в мешке кроме краюхи хлеба, двух пар белья и полотенца оказались еще два свертка, завернутые в тряпки и перевя-

занные шпагатом. Шелуденко уверял, что это свиное сало для больной. Свертки развернули, и в них оказалось 10 000 рублей в крупных купюрах. Задержанный был доставлен в особый отдел фронта. И здесь уже «заботливый папаша» рассказал свою настоящую биографию.

Фамилия его – Миневич, род занятий – гитлеровский агент-вербовщик. Легенда о больной дочери была отработана в немецкой разведке. Шел он в Воронеж для создания в городе резидентуры по сбору данных о войсках гарнизона. Сам он уроженец Курской области. В 1935 г. был исключен из партии за троцкистскую деятельность. Работал он тогда в Курске председателем профкома одного из небольших промышленных предприятий, а после исключения – слесарем на том же заводе. Немецкой разведкой был завербован в конце октября 1941 г. на «совершенно добровольной основе». В своё время затаил злобу на руководство ЦК ВКП(б), обкома партии и парткома завода. Решил отомстить. К немцам явился сам и предложил свои услуги. После вербовки был направлен на учебу в Полтавскую разведшколу, где прошел курс обучения по широкому профилю – на агента-разведчика и агента-вербовщика. Особое внимание наставники из абвера уделяли методам индивидуального подбора и вербовки агентуры.

Он благополучно перешел линию фронта в районе села Белый Колодезь и через два дня уже был на станции Лиски. Оттуда в Воронеж решил добираться пешком и на попутных машинах. В Воронеже он должен был остановиться на улице 27 Февраля у гражданина Гракова К. А., по паролю: «Привет вам от Франца Генриховича».

Показания Миневича позволили нам обнаружить в Воронеже конспиративную квартиру немецко-фашистской разведки. Как показала проверка, хозяином её являлся бывший офицер царской армии, человек одинокий, замкнутый. Жил он в собственном домике, построенном ещё его отцом, купеческим приказчиком. Взвесив все факты, руководство особого отдела фронта решило послать к Гракову своего сотрудника по паролю, известному нам от Шелуденко-Миневича. Операция прошла без осложнений. Граков принял нашего товарища более чем любезно. В первой же беседе, продолжавшейся чуть ли не всю ночь, Граков от души желал гостю успехов в работе и рекомендовал ему прежде всего организовать усиленное наблюдение за штабом фронта.

Начиная эту операцию, мы не исключали возможности использовать Гракова и его квартиру для дальнейшей «игры» с абвером, но от этого варианта пришлось отказаться. С первых же слов, после обмена паролями, стало ясно, что Граков – ярый враг Советского государства. Он с нетерпением ожидает прихода в Воронеж немцев и очень сожалеет, что их разведка «неактивно работает в городе» и что Шелуденко за полгода войны лишь «первая ласточка оттуда».

Гракова арестовали. В ходе следствия он сообщил, что условие приема им у себя «людей» с паролем: «Привет вам от Франца Генриховича» – было оговорено ещё в 1935 г., когда он работал десятником на строительстве одной из шахт в Донбассе. Один из немецких специалистов, находившийся вместе с ним на строительстве шахты, зная Гракова как офицера царской армии и личность антисоветски настроенную, договорился с ним о «такой любезности». Возможность напасть на Советской стране и размер вознаграждения за услуги устраивали бывшего поручика. И вот с тех пор, почти семь лет, Граков ждал «гостей». Но их почему-то всё не было. Наконец появился Шелуденко – и сразу провал.

Арестованный Миневич вёл себя на следствии как все кадровые троцкисты. Он «раскаивался в содеянном» и просил не допустить применения к нему высшей меры наказания. Он всячески старался выслужиться. Щедро давал показания о своих земляках – предателях, устроившихся на службу к оккупантам, об агентах, проходивших с ним подготовку в Полтавской разведшколе, дал характеристики её преподавателям и вербовщикам. Он подробно рассказал об организационной структуре школы, методах подготовки агентуры и заброски её к нам. Его показания обстоятельно подтверждали уже имевшиеся у нас данные об этой школе.

Показания Миневича о Полтавской разведшколе были учтены особым отделом фронта, и мы лучше смогли организовать свою работу как в войсках, так и по ту сторону линии фронта.

Работникам органов государственной безопасности по роду своей службы большей частью приходится сталкиваться с теневыми сторонами нашей жизни. И поэтому чекистам особенно приятно и радостно наблюдать каждый случай морального воскресения, когда споткнувшийся однажды человек находит в себе нравственные силы подняться над обстоятельствами и сделать правильный жизненный выбор. Когда новый, полноправный гражданин возвращается обществу – твоя ли в этом заслуга или неизвестного тебе коллеги, – испытываешь наивысшую радость, считаешь это для себя лучшим подарком.

В особом отделе тепло поблагодарили Сашу Прядко за его неоценимую помощь, выдали ему оправдательный документ по случаю задержки в Воронеже, где конечно же охарактеризовали его поступок с наилучшей стороны. И уже потом, за ужином, со всеми подробностями, без утайки рассказал он нам о своём прошлом житье-бытье. После того как я узнал биографию этого паренька, он мне стал ещё ближе и дороже. В дальнейшем я уже не выпускал его из виду и, забегаая вперед, могу сказать, что Александр Степанович Прядко прекрасно воевал, демобилизовался в звании старшины, имея двенадцать правительственных наград.

Я уже говорил о том, что, разрабатывая планы создания «пятой колонны», гитлеровская разведка не последнее место в кампании тотального шпионажа отводила уголовникам и другим деклассированным элементам. Но и здесь, в верном, казалось бы, деле, абвер не достигал желаемых результатов.

Показателен в этом отношении случай, который произошел во второй половине декабря 1941 г. на участке боевых действий у села Базалеевка. Хмурым холодным утром наше боевое охранение заметило на той стороне необычное оживление. Вскоре из морозного тумана показалась большая группа оборванных и изможденных людей. Впереди, размахивая белым флагом, шел мужчина, а сзади толпу подгоняли автоматчики. Эту странную процессию снимало на пленку несколько кинооператоров. Дойдя до зоны досягаемости ружейно-пулеметного огня, гитлеровцы остановились, а остальные продолжали медленно двигаться к переднему краю. Группу эту – в ней было около ста человек – пропустили на нашу сторону.

Все эти люди оказались узниками харьковской тюрьмы. Более половины из них были в очень тяжелом состоянии – обморожение, чесотка, туберкулез. В тюрьме они содержались в камерах смертников и со дня на день ожидали расстрела – гестаповцы обвиняли их в связи с партизанами. За день до перехода линии фронта на тюремном дворе их погрузили в машины, в которых оказались жены, дети и родители смертников. Машины двинулись к фронту, и поутру колонну погнали в сторону советской линии обороны. Все перипетии этой операции – от тюрьмы до наших окопов – немцы снимали на пленку. Видимо, ведомству Геббельса необходимо было документальное подтверждение гуманности «нового порядка».

В группе, перешедшей на нашу сторону, было три молодых парня. Когда младший лейтенант госбезопасности Семашко, который вёл опрос, поинтересовался их биографическими данными и тем, за что они попали в тюрьму, старший из парней решительно выступил вперед:

– Вы бы, гражданин начальник, больных вначале опросили, их к врачам отправлять нужно. А с нами у вас очень долгий разговор будет. Другого мы полета птицы – дойчагенты, или, если просто, по-нашему, – немецкие шпионы.

...Начало войны вся троица встретила в харьковской тюрьме, где отбывала наказание за неоднократные квартирные кражи. Немцы принесли им «освобождение». Несколько дней Степан Романько, Трофим Гура и Иван Мякушко – так звали друзей-домушников – слонялись по городу, принаравливаясь к «новому порядку». 3 ноября на Сумской улице они нос к носу столкнулись с немецким офицером и двумя солдатами, подъехавшими к большому серому дому на грузовой машине. В кузове стояли пианино и мебельный гарнитур красного дерева. Офицер остановил парней и, коверкая слова, приказал им помочь солдатам в переноске мебели.

В квартире их встретила молодая холеная блондинка, назвавшаяся Галиной. Все распоряжения она отдавала на украинском языке. А когда работа была окончена, поинтересовалась у «носильщиков», какой они национальности. Узнав, что все трое стопроцентные украинцы, очень обрадовалась и посоветовала офицеру, которого называла Максом, угостить её земляков за хорошую работу шнапсом.

Пойло это очень отдавало сивухой, но друзей в данный момент интересовало не это. Наличие в квартире большого количества добра задевало их «профессиональное» самолюбие. Один из воров, Гура, смекнул, что путь к этим богатствам может пролечь через сердце общительной любовницы герра обер-лейтенанта. После выпитого шнапса лицо Галины зарумянилось, болтала она без умолку.

Молодую «хозяйку» немец привез из Львова. По профессии она певица. И вот Макс достал ей пианино.

Чернобровый Гура понравился Галине, они потом встречались в отсутствие офицера, а однажды, когда тот уехал на несколько дней, она даже согласилась переночевать у Гуры на квартире. В эту ночь его напарники и забрались в дом Макса, захватив оттуда несколько ниток жемчуга, золотых браслетов, колец и других драгоценностей.

Всё было сделано чисто. Вернувшись домой, Галина даже не заметила, что в квартире побывали посторонние. Пропажу обнаружила, когда сняла с себя золотой кулон и хотела положить его в шкатулку.

Гитлеровский офицер, возвратившись, стал допытываться: с кем она встречалась в эти дни в театре, на улице, дома? И Галина, ничего не подозревая, рассказала, что ещё до его отъезда в Полтаву она как-то встретила на Сумской тех трех парней, которые помогали вносить в квартиру пианино, они даже проводили её до дома. Офицер тут же заявил о краже в комендатуру и сказал, что подозревает трех «носильщиков», подробно описав их приметы.

С помощью местной «украинской полиции» Романько, Гура и Мякушко были арестованы. Драгоценностей у них не обнаружили, и на следствии они ни в чём не сознались. Всё же их не отпускали из тюрьмы и на одном из последних допросов объявили, что по законам военного времени они должны быть расстреляны, но такого наказания можно избежать, если дать согласие честно работать на вермахт великой Германии. Посоветовавшись, воры согласились.

Вскоре им сказали, что через линию фронта их переправят в районе Купянска с большой группой других заключенных, и предложили заучить легенду: до прихода немцев в Харьков служили в 216-й стрелковой дивизии, оборонявшей город, но она отходила так быстро, что они не успели уйти с ней из города и остались, а потом были заподозрены гитлеровским командованием в связях с партизанами и посажены в тюрьму.

По предположению гитлеровской разведки, их должны были оставить служить в частях, расположенных на купянском направлении. Здесь требовалось установить: какие и сколько дивизий находится на участке Волчанок – Купянск, какова их укомплектованность людьми и боевой техникой, кто командует этими дивизиями, в каких населенных пунктах расположены их штабы, какая работа ведется командованием в частях, готовятся ли к наступлению или обороне.

Офицер-разведчик, инструктировавший трех друзей, рассчитал всё по дням и часам и, казалось, предусмотрел мельчайшие неожиданности. Но сами новоиспеченные шпионы внесли весьма существенные коррективы в план немецкой разведки.

Я так подробно остановился на похождениях троицы воров-рецидивистов для того, чтобы у читателей не создалась иллюзия о якобы нравственном возрождении этих людей. Нет, они были и остались тогда ворами. Но пусть каждый задумается о другом. Если у этих трёх парней, бросивших в своё время вызов нашему обществу и поставивших себя вне его, хватило всё же сил и гражданской совести остановиться у грани, за которой начинается предательство,

то какой меркой можно измерить всю глубину падения тех, кто пошел в услужение к фашистам, сколько мерзости и подлости накопилось в закоулках их продажных душ...

Лицом к лицу с абвером

К ноябрю 1941 г. положение на нашем Юго-Западном направлении стабилизировалось. Фронт проходил по линии Ефремов, Елец, Волчанск, Красный Лиман, Таганрог. В те дни уже ни для кого не было секретом, что стратегия блицкрига лопнула и гитлеровской военной верхушке скрепя сердце пришлось переводить вермахтовскую машину на рельсы затяжной войны. «Наступательный порыв» её ограничивался лишь полосой фронта на московском направлении. На других участках армии захватчиков приступили к перегруппировке сил, рассчитывая восстановить наступательную мощь своих изрядно потрепанных ударных соединений.

Верховное главнокомандование вермахта и командование групп войск теперь требовало от абвера точной и всеобъемлющей информации о группировании наших войск по всей глубине фронтов, поступлении в наши войска новой техники, её тактико-технических данных, местах расположения крупных штабов, и главное, каковы оперативные и стратегические планы советского командования. Кроме того, абвер ни на минуту не должен был прекращать своей идеологической работы – распространения провокационных слухов и ведения пораженческой агитации в наших войсках.

На выполнение этих задач были брошены и другие силы гитлеровской разведки. Чтобы представить масштабы тайной войны только в полосе нашего Юго-Западного направления, коротко расскажу об основных службах и подразделениях немецкой разведки, действовавших тогда здесь.

В канун нападения на нашу страну по инициации Канариса в местечке Сулеювек (под Варшавой) был создан оперативный штаб абвера под кодовым названием «Валли». Возглавил его один из ближайших помощников Канариса полковник Гейнц Шмальшлегер. «Валли», аналогично управлению абвер-заграница, имел три отдела: первый – разведка, второй – диверсия и террор и третий – контрразведка. На «Валли» возлагалось непосредственное руководство полевыми органами абвера – абверкомандами при группах войск «Север», «Центр» и «Юг» и абвергруппами при армиях вторжения.

В первые же дни войны штаб «Валли» создал свою, так называемую Варшавскую разведшколу, где готовилась агентура, завербованная в лагерях для военнопленных, в основном из командного состава.

При группе армий «Юг», действовавшей против наших Южного и Юго-Западного фронтов, штаб «Вали» имел две абверкоманды – «101» и «101-А», подчиненные его первому отделу, и по две абверкоманды, подчиненные второму и третьему отделам, носившие нумерации своих отделов. Непосредственно при штабах полевых и танковых армий каждая из упомянутых абверкоманд имела свои абвергруппы.

Таким образом, в ноябре 1941 г. только абверовских органов действовало против наших двух фронтов около двадцати.

Кроме того, в штабе каждого гитлеровского соединения, начиная от дивизии и выше, был ещё свой, войсковой разведывательный орган – «Отдел-1-Ц», который наряду со сбором и обработкой разведывательных сведений о Красной Армии выполнял контрразведывательные функции.

В начале 1942 г. «Валли» ещё более расширяет сферу своей контрразведывательной деятельности. В связи с огромным размахом партизанской борьбы в фашистском тылу при штабе создается специальный контрразведывательный орган «Зондерштаб-Р» («Россия»)⁸.

⁸ «Зондерштаб-Р» («Россия») готовил агентов-провокаторов для внедрения в антифашистское подполье, действовавшее на оккупированной территории, а также в партизанские отряды. Агентура для этой цели вербовалась, как правило, на оккупированной территории из пособников фашистов и разного рода уголовных элементов.

Здесь готовились провокаторы для антифашистского подполья и агентура для внедрения в отряды партизан с целью разложения их изнутри или подвода под удар карателей.

Все абверовские отделы, команды и группы возглавлялись опытными разведчиками; в частности, «Абвер-командой-101» руководил подполковник Гемприх, а «Абверкомандой-101-А» – полковник Визер.

Особому отделу Юго-Западного фронта большей частью приходилось иметь дело с «воспитанниками» Вальтера Визера, который избрал своей резиденцией контору Полтавской трикотажной фабрики. Радиостанция этой абверкоманды выходила в эфир для своей агентуры с позывными «Орион». Визеру непосредственно подчинялись Полтавская разведывательная школа и группы офицеров-вербовщиков, действовавшие в Днепропетровском, Знаменском и Дарницком лагерях для советских военнопленных и среди местного населения Киева, Полтавы, Харькова, Белгорода и Сум.

Все названные органы абвера, находившиеся в непосредственной близости от нашего переднего края, представляли, разумеется, большую для нас опасность. Особенно много черных деяний было на счету зондеркоманды, созданной при одной из абвергрупп в начале ноября 1941 г. Руководил этой командой известный абверовский резидент Фаулидис, по кличке Локкерт. Команда Локкерта вела разведывательную и диверсионную работу, распространяла провокационные слухи среди населения в нашей прифронтовой полосе и формировала «добровольческие» соединения из числа националистов и уголовников. Учитывая специфику этой команды, штаб «Валли» разрешил Локкерту самостоятельно готовить агентуру для работы в советском тылу. Учебный пункт его зондеркоманды в конце 1941 г. обосновался в городе Волноваха. Здесь по сокращенной программе готовились кадры разведчиков, диверсантов, террористов и провокаторов.

Как видим, даже одного беглого перечня служб и подразделений абвера, действовавших на нашем участке фронта, достаточно, чтобы представить, с каким опасным и коварным врагом приходилось бороться советской военной контрразведке. Но здесь нужно заметить, что уже к концу 1941 г. расстановка сил на фронте тайной войны значительно изменилась. Советские контрразведывательные органы были уже не те, что в первые недели войны. Появился боевой и оперативный опыт; абвер теперь не мог играть с нами втемную – его структура, формы и методы работы, руководящие кадры, расположение и функции основных центров подготовки агентуры, её многие вербовщики уже не являлись для нас загадкой. Кроме того, стабильность фронта положительно сказалась на совершенствовании оперативной работы в наших соединениях. И самое главное – я уже говорил об этом, но хочу подчеркнуть ещё раз, – за нами стоял весь советский народ. Это был решающий фактор, преимущества которого фашисты не имели и не могли иметь на нашей земле.

* * *

Ночь на 7 ноября 1941 г. была одной из самых тревожных в беспокойной жизни нашего разведчика Ивана Чайки. Полтора месяца провел он во вражеском тылу, и вот сейчас, когда до линии фронта оставалось рукой подать, угораздило же его остановиться на дневку в этой заброшенной колхозной клуне. Когда уже начало темнеть и Чайка собирался двинуться в путь, к клуне нежданно-негаданно подкатил тягач с дальнобойкой на прицепе и обслуга – человек десять – двенадцать – взялась готовить ужин. Более дурацкую ситуацию трудно себе представить: во-первых, уходит драгоценное время, а потом ведь могут фашисты сцапать за здорово живешь.

Ещё в конце сентября Чайку послали в Сенчанский район Полтавской области, где он должен был выяснить судьбу некоторых фронтовых командиров, находившихся с командующим Юго-Западным фронтом генералом Кирпоносом. Здесь, в урочище Шумейково, они дали

врагу свой последний бой. И теперь он, старшина-пограничник Иван Чайка, возможно, единственный, кто может сообщить командованию о мужестве и героизме командиров и политработников, которые с одними пистолетами десятки раз ходили в атаку, и о том, что перед урочищем за два дня боев были уничтожены десятки гитлеровцев. Не имел он права рисковать собой и по другой причине. Сроки его возвращения к своим давно истекли. Значит, его начальники могли послать с тем же заданием другого разведчика или целую группу, а это при том режиме, который установили гитлеровцы на оккупированной территории, неизбежно повлекло бы за собой новые жертвы.

Взвесив всё «за» и «против», Иван спрятал гранату за пазуху и принялся терпеливо ждать, пока гитлеровцы завалятся спать...

При переходе линии фронта Чайке слегка зацепило осколком руку – попал под шальную мину, но идти в госпиталь он категорически отказался и потребовал, чтобы его немедленно отправили в особый отдел фронта.

Докладывая о выполненном задании, старшина сообщил, что километрах в двух от урочища Шумейково, в селе Исковцы-Сенчанские, он встретился с раненым красноармейцем, шофером штаба фронта Петром Грищенко, который в своё время возил начальника инженерного управления. Грищенко подобрала на поле боя пожилая колхозница Дарья Федоровна Квитка, она сумела укрыть его у себя и, несмотря на то что Петр имел очень тяжелые ранения – в голову и в ногу, с помощью сельского фельдшера спасла от верной смерти.

Грищенко и рассказал Чайке подробности неравного боя. Он с восхищением отзывался о героизме наших командиров и политработников, но вместе с тем назвал несколько имен слабодушных, без сопротивления сдавшихся врагу, и среди них – работника штаба фронта интенданта 3 ранга Гольдина. Грищенко сам видел, как немцы вытащили его из кустов и повели к хутору Дрюковщина. При этом Грищенко высказал предположение, что вряд ли выгадал Гольдин, сдавшись в плен: ведь евреев немцы расстреливают без суда и следствия.

Делая такое предположение, Петр Грищенко не знал, да и не мог знать, одного крайне любопытного обстоятельства. Дело в том, что с 30 сентября интендант 3 ранга Гольдин работал в штабе фронта на той же должности, какую занимал до окружения. Тогда, после выхода из окружения, в своём объяснении на имя начальника отдела кадров фронта Гольдин писал, что в плену он не был, с гитлеровцами не, встречался и на нашу сторону вышел 28 сентября вместе с начальником одного из отделов штаба фронта и двумя старшими командирами из 5-й армии.

Из создавшейся ситуации могло быть только два вывода: либо Грищенко, находясь после ранения в полуобморочном состоянии – ведь приняли же его немцы за мертвого, обознался и спутал Гольдина с кем-нибудь другим, либо Гольдин действительно был в плену и заслан к нам как агент вражеской разведки.

Старший лейтенант госбезопасности Базанов, которому было поручено вести разбирательство, навестил Чайку в госпитале. Он попросил старшину проложить на карте маршрут своего движения от села Исковцы. Старшина сразу сообразил, в чём дело, но лишних вопросов не задавал. Через двадцать минут Базанов имел маршрут и подробное описание самых удобных подходов к хате Дарьи Федоровны. Он поблагодарил разведчика и, возвратившись в отдел, занялся разработкой предстоящей операции. Каково же было удивление старшего лейтенанта, когда, явившись по вызову к начальнику отдела, он застал там Ивана Чайку.

Проанализировав все подробности визита Базанова, Чайка сделал единственно правильный вывод: находясь в урочище Шумейково, он чего-то не учел и вот сейчас за фронт должна идти новая группа, чтобы сделать положенную ему, Чайке, работу. Примириться с этим пограничник не мог. Воспользовавшись явным расположением старшей сестры-хозяйки, он «на часок, не больше» получил свою одежду и ушел из госпиталя. В особом отделе Чайка доказывал начальнику, что без его личного участия ни о какой новой операции не может быть и речи. Даже на самой крупномасштабной карте не укажешь тех тропок и «схованок», которыми

пользовался он сам, пробираясь к урочищу Шумейково и назад, к фронту. А самое главное, на прощание он преподавал Дарье Федоровне несколько уроков конспирации. Поэтому наших посланцев она, в лучшем случае, может угостить ухватом – женщина она серьезная и обстоятельная. Не исключено, что Петро уже выздоровел и подался к партизанам. В этом случае без Чайки тоже не обойтись – среди местных патриотов у него уже имеются кое-какие связи. А если начальники сомневаются насчет его руки, то это не рана, а сплошное недоразумение.

Начальник отдела старший майор госбезопасности Николаев⁹, выслушав все доводы разведчика, долго не отвечал. Ему в тот момент больше всего хотелось обнять и по-отцовски расцеловать этого замечательного парня. А Иван в ожидании решения не сводил с него умоляющих глаз. Исхудавший за время полуторамесячных скитаний по вражеским тылам, бледный от потери крови, он, как никто другой, нуждался в отдыхе и лечении. Николаев мысленно проследил маршрут, вычерченный на карте Базанова. Лишь в один конец более двухсот километров. И всюду в крупных и мелких населенных пунктах, захваченных фашистами, устанавливается «новый порядок». Его поддерживали немецкие комендатуры, полевое гестапо, эсэсовские войска, старосты и полиция. Все воины Красной Армии, оказавшиеся на оккупированной территории, должны были по приказу немецкого командования сами являться в комендатуры и сдаваться в плен. Лица, не выполнившие приказа и укрывающие военнослужащих, подлежали немедленному расстрелу на месте.

Всё это хорошо знал старший майор госбезопасности. Но по той же логике он не мог не признать и обстоятельных доводов стоявшего перед ним старшины-пограничника. Его присутствие в группе – надежная гарантия успеха. А задачу предстояло выполнить очень сложную. В кратчайший срок нужно было добраться до села Исковцы-Сенчанские, разыскать там раненого Грищенко и вывести его на нашу сторону. А если рана на ноге ещё не зажила, предъявить ему фотографию Гольдина, составить протокол опознания и доставить эти документы в особый отдел фронта.

Тяжело было Николаеву принимать решение, но выбора у него не было. И в ночь на 15 ноября старшина Чайка и младший лейтенант госбезопасности Красножегов ушли за линию фронта.

...Интендант 3 ранга Гольдин по своему складу был человеком сугубо штатским. Но, призванный в 1935 г. в армию, он стал неплохим службистом и так старательно подражал выправке своих кадровых товарищей, что даже закоренелые строевики с доброжелательной снисходительностью относились к его безуспешным попыткам придать своей мешковатой фигуре браво-командирский вид. Коренной киевлянин, он окончил в начале тридцатых годов политехнический институт и на работе в штабе зарекомендовал себя знающим инженером. После выхода из окружения работал с утроенной энергией и за короткий срок был отмечен начальством. Вёл замкнутый образ жизни, из расположения штаба почти не отлучался и только дважды – 14 и 24 ноября – отпрашивался в город. Причем оба раза проделывал один и тот же маршрут: вымывшись в городской бане, ехал на железнодорожный вокзал и, примостившись на скамейке недалеко от билетных касс, в течение часа читал первый том «Войны и мира». Затем садился на трамвай и возвращался в штаб.

Ничего нового не дали и беседы с командирами, выходившими вместе с Гольдиным из окружения. Начальник одного из отделов штаба фронта майор Михалев рассказал, что встретил Гольдина утром 25 сентября в селе Степановка Сумской области. Интендант объяснил ему тогда, что до Степановки от урочища Шумейково он добирался пять суток пешком, чему Михалев не мог не поверить, так как сам пришел в село тремя часами раньше. В Степановке к ним вскоре присоединились ещё два командира, оба штабные работники 5-й армии. Один из них был ранен осколком в голову, и последние километры его буквально приходилось вести

⁹ Начальник особого отдела А. Н. Михеев погиб в одном бою вместе с командующим фронтом М. П. Кирпоносом.

под руки. Гольдин, как говорится, был весь на виду. Ответ на то, где он был и чем занимался с 21 по 25 сентября, мог дать только Петр Грищенко, и контрразведчикам оставалось ждать возвращения разведгруппы.

...Дарья Федоровна только что возвратилась с хутора Дрюковщина от своей давней подруги Степаниды. Последнее время та занималась знахарством, и Дарья Федоровна уже не раз тайком от фельдшера брала у неё разные травы для Петеньки. Что бы там доктора ни говорили, а после того, как она начала отпаивать раненого Степанидиными отварами, у того дело круто пошло на поправку. Последнее время она держала Петра в чулане за ларем с кукурузой – подвальная сырость плохо действовала на раны. Да и в селе стало поспокойнее. Фашисты ушли недели две назад и больше пока не приходили, а местные власти – староста и два полиция – беспробудно пьянствовали и дальше кружки с мутным первачом ничего не видели.

Разведя огонь в загнетке, старая колхозница принялась крошить иван-чай. В это время ей почудился легкий стук в шибку. Прислушалась – так и есть. Кому б это в такую пору? А уже через минуту попала в объятия Ивана Чайки. Узнав, что ребята пришли оттуда, от наших, старуха так разволновалась, что в течение добрых десяти минут, кроме «ах боже ж ты мой, касатики мои миленькие, соколики ненаглядные», от неё ничего нельзя было добиться. Услышав шум в кухне и радостные причитания Дарьи Федоровны, выглянул из чулана Петро. Узнав Чайку, он так бурно выражал свою радость, что Иван даже ойкнул от боли – рана на руке ещё давала себя знать.

Но для восторгов времени не было. Поэтому, наскоро перекусив, по-сыновьи расцеловав рыдающую женщину, разведчики и Петр Грищенко, который ещё слегка прихрамывал, двинулись в обратный путь. Трудно описать все тяготы и лишения, выпавшие на долю трех советских патриотов. Полуголодные, с обмороженными руками – морозы в тот год ударили рано, – оврагами и звериными тропами пробирались они к линии фронта. Опасность подстерегала их на каждом шагу. Дважды они чудом избежали столкновения с нарядами полевой жандармерии. У Ивана и Петра вскрылись и нестерпимо болели раны. В те немногие часы полузабытья, которое заменяло ребятам сон, они стонали, а то и бредили, звали кого-то. Но зажигались в небе звезды, и, закинув за плечи автоматы, они упрямо шли вперед. Из рассказов Грищенко они уже знали, что Гольдин – предатель. Доставить эти сведения командованию, изобличить и обезвредить шпиона во что бы то ни стало – в этом Чайка и Красножегов усматривали свой высший человеческий и чекистский долг. Мужественно и стойко держался Петр Грищенко. Несчастье произошло в прифронтовом лесочке возле безымянного хутора. Глухой морозной ночью разведчики напоролась на боевое охранение гитлеровцев. В кромешной темноте вспыхнула ожесточенная схватка. Силы были сначала равные, но к немцам вскоре подоспело подкрепление. Тогда младший лейтенант госбезопасности Алексей Красножегов приказал Чайке и Грищенко пробираться к своим, а сам остался прикрывать отход товарищей. Почти час не смолкал его автомат. Уже будучи дважды раненным, Алексей Красножегов собрал последние силы и, вырвав зубами чеку, подорвал себя вместе с навалившимися на него гитлеровцами. Это было в ночь на 30 ноября 1941 г.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.